Особист

Автор:
Владимир Поселягин

Особист

Владимир Геннадьевич Поселягин

Военная фантастика (АСТ)

Олег Анатольевич Буров смог пройти порталом на Землю будущего, желая вернуться в своё родное время. Однако что-то пошло не так, и первые подозрения о том, что это не тот мир, появились сразу же. Итак, 41-й год, западные области Советского Союза, за несколько суток ДО…

Владимир Поселягин

Особист

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 179

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Оформление обложки Владимира Гуркова

© Владимир Поселягин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Пролог

Вынырнув, я выплюнул загубник трубки, поднял на лоб очки аквалангиста и, громко высморкавшись, осмотрелся. Рядом всплыл мешок с моими вещами. Его удерживали два поплавка, которые надул автоматически сработавший баллон. Подплыв, я ухватился за мешок – в болоте держаться на воде тяжело, и продолжил осмотр окрестностей, заодно умыв лицо горстью воды.

– Что-то не так, – пробормотал я.

Разрешите представиться: Олег Анатольевич Буров. Бывший офицер ФСК (которая впоследствии была переименована в ФСБ), потом ушёл на армейские хлеба, где и трудился – причем поднялся по карьерной лестнице до начальника особого отдела корпуса, – пока не вернулся мой племянник Вячеслав Суворов. Когда тот пропал, я тоже подключился к поискам, нажал на некоторые рычаги, но глухо. А через два года он объявился сам, рассказав ошеломительную историю, и, несмотря на то что по долгу службы и собственному опыту в подобное поверить не мог, я поверил. Всё же Вячеслав врать не умел и не любил. Оказывается, он побывал в прошлом, или в параллельном мире, как после долгих споров и размышлений решили мы с отцом Славы. Раз есть действующий портал, решили отправиться в прошлое – такой шанс упускать не хотел никто. Я поднял архивы – готовил информацию коллегам с той стороны, много что было… Потом отправились, благо портал сработал. История с бандитами прошла фоном, тем более парни сами с ними разобрались, мы лишь довершили начатое. И ведь смогли по оккупированным территориям прорваться

к своим. Красиво вышли. Дальше я отправился на Лубянку, и завертелось. Причём так напрягли, что несколько лет пролетело как один день. Кстати, в отставку в РФ в родном времени я ушел подполковником, а у Берии, перед уходом, получил погоны генерал-лейтенанта. Надо сказать, в чинах я быстро рос и в своём времени – в тридцать пять лет уже начальник особого отдела корпуса, в тридцать восемь – генерал-майор. Сороковую годовщину я отметил в Москве мира Сталина.

Потом мы решили вернуться, почему-то все скопом, и ведь отпустили, благо выдоили из нас всё, что могли. И вот результат: знакомое болото вокруг, но деревни Брянской области вдали нет, понтона с учёными Союза, что исследуют портал, тоже нет. Одним словом, результат осмотра сразу дал понять – меня переместило, но в какое-то другое время. Что делать, решу позже, пока нужно выбираться.

Доплыв до ближайшей кочки, я оставил там мешок и, оттолкнувшись, погреб обратно – нужно проверить портал. Я прекрасно понимал, что тот не работает, он всегда после перехода на долгое время отключается, но есть такая человеческая черта, называемая надеждой, она и толкала меня вперёд, проверить – а вдруг?

Когда я вернулся к месту нахождения портала, то раздался шум, и в небе появилось три точки. Проводив взглядом мордатые истребители, я узнал характерные силуэты И-16. Это знак! Именно о них рассказывал Вячеслав – первое, что он увидел, когда в сорок первый перенёсся. Совпадением это быть не может. Где остальные парни, неизвестно, вероятно, отправились в будущее, и только мне так «повезло», но решать проблемы нужно быстро. Раз пять нырнув, я проверил место, где был портал, но он так и не сработал. Взяв несколько ориентиров, запомнил координаты и вернулся обратно к кочке, затем, толкая мешок перед собой, направился к полоске леса – нужно выбираться отсюда.

Почти два часа ушло на то, чтобы добраться до берега. Выбравшись на сушу, отдыхать не стал – мне сорок лет, но я в отличной форме, так что, вытащив мешок наверх, я бросил очки, ласты и трубку на траву, снял ремень с ножнами, достал нож и протёр его травой – пусть сохнет. С некоторым трудом стащил гидрокостюм. Он из моего времени, из будущего. Конечно, учёным выдали немало артефактов, но так повезло только мне, Славке-лётчику и Толику-танкисту, остальным пришлось довольствоваться обычными костюмами из прошлого, куда более массивными и неудобными.

– Ух, как хорошо, – пробормотал я, аккуратно расстелив мокрый костюм на траве – пусть сохнет.

Обнажённое тело обдувало лёгким ветерком. Первым делом сдул поплавки. Потом вскрыл герм-мешок. Что там находится, я прекрасно знал – сам собирал. Места мало, поэтому и оружия много не брал, так, памятное только, можно сказать подарки. Да и зачем мне в будущем стволы из прошлого? Армейский корпус, в котором я служил, дислоцировался частично в Дагестане и частично в Чечне, у нас этого оружия хоть попой ешь. С собой у меня была реплика автомата «Вал», к нему три запасных магазина и полторы сотни патронов, еще пистолет Макарова с глушителем, два запасных магазина и пятьдесят патронов. Знал бы, что попаду в такую историю, взял бы побольше боеприпасов. Ну и нож разведчика стреляющий, РНС-2. Тоже реплика, созданная в одной из шарашек Берии, они там много что скопировать смогли, я как эксперт проводил ознакомление и давал свою профессиональную оценку. Вот и получил такие подарки. Не выпросил, сами дали, на всех единицах оружия дарственные таблички.

Быстро собрав оружие, прикрутил глушитель на пистолет и установил прицел на автомат, снарядил по два магазина. «Вал» прислонил к стволу кривой ели, разложив приклад, а пистолет пристроил под руку. К сожалению, свою генеральскую форму взять я не мог – лимит веса. Основное место занимали три железных ящика с бриллиантами. Да, в мешке у меня было сибирских алмазов примерно на пятьдесят миллионов долларов. Причём по ценам прошлого, в будущем все триста будет. Эти средства должны были пойти на закупку различных материалов и технологий, для отправки в прошлое. Учёные говорили, что через портал даже станки можно было перетащить. Как-то слабо верилось, но задачу мне ставили и с учетом этого тоже. С результатом перехода, похоже, на поставленный приказ можно забить. Тут бы выжить. Если мои догадки верны, то здесь сейчас сорок первый год и до начала войны остались считанные часы – каких-то несколько суток.

Вести боевые действия с наличным оружием я долго не смогу, банально закончится боезапас и буду сидеть сосать лапу несколько десятков лет, пока такие патроны не изобретут и не возьмут на вооружение. Так что использовать своё оружие я буду только в крайнем случае, а дальше перейду на трофеи или отечественные образцы.

Застрял я тут, похоже, надолго, и этот факт уже морально принял. Да и не считал я его проблемой. В прошлом мире мне удалось застать только конец войны, и то дальше Лубянки не бывал, даже шарашки располагались в Москве или рядом с городом. Так что повоевать я был не прочь. Жаль, как армейский командир довольно слаб, другому обучен. И вот эта моя специальность на начальном этапе войны как раз нужнее всего, так что поработаем.

Всего в мешке было три железных шкатулки с бриллиантами и алмазами, запирающиеся на ключи, которые висели у меня на шее на шнурке. Еще оружие и небольшая водонепроницаемая коробочка, в ней мои награды из мира прошлого и документы генерала НКВД. Всё же я был подчинённым Берии, одним из его замов. На последней должности курировал отдел, что работал по пришельцам из будущего и новым технологиям. Ещё помогал товарищам, которые занимались предателями и вредителями, предоставлял информацию из архивов будущего.

Также в мешке была одежда: трёхцветный камуфлированный армейский комбинезон и десантные полусапожки, тоже из параллельного мира. Это на случай возвращения, чтобы не сверкать обнажённым телом или гидрокостюмом. В наше время в глубинке многие носили армейскую форму, она недорогая и служит долго, никто на меня внимания не обратит.

Достав из мешка плотный рулон, развернул его, надел чёрные армейские трусы, синюю майку, сверху натянул комбинезон и ботинки. Зашнуровав обувь, прошёлся и попрыгал, всё сидело идеально – комбез не новый и обувь растоптанная, сейчас как раз то что нужно. Снарядив патроном, повесил на ремень нож разведчика. Ни ремня для автомата, ни подсумков для магазинов, ни кобуры для пистолета у меня не было – лишний вес. Зато патронов побольше набрал, чему сейчас и радуюсь. Поступил так: коробочку с наградами и документами в нагрудный карман – он на пуговицу застёгивается, не потеряю, снаряжённые магазины к автомату и пистолету в карманы, оставшиеся патроны ссыпал в носки, завязав концы узлом, и тоже отправил по карманам. У камуфляжного костюма их восемь. У брюк карманы на бёдрах и в районе колен, а у куртки – по бокам у талии и нагрудные. Все они закрываются на пуговицы, так что потерять ничего я не опасался. Пистолет поставил на предохранитель и заткнул за ремень, автомат решил нести в руках. В мешок я убрал гидрокостюм, баллон с поплавками, трубку с маской, ключи от ящиков с ценностями, снова провёл герметизацию и притопил мешок под берегом.

Ещё раз осмотревшись, быстро замел следы и, подхватив автомат, побежал прочь от опушки. Добежав до поляны, где стояли скирды скошенной травы, не стал выходить на открытую местность, а обогнул ее и, найдя лесную тропинку, двинул дальше. Похоже, те двое поляков, которых Вячеслав уничтожил на поляне, тут ещё не появлялись. А так всё схоже с рассказом племянника.

Я вышел к хутору, когда уже окончательно стемнело. По пути нарвал одной очень пахучей травы и втер в открытые участки тела. Собак на хуторе хватало, нужно было отбить запах. Думаю, с учётом гостей на территории, останусь для них незамеченным.

Опустошил карманы – не хватало еще потерять что-то в запарке – и отложил автомат. При себе оставил пистолет, два запасных магазина к нему, патроны и оба ножа. Дальше, двигаясь по-пластунски, пополз по картофельному полю к ограде.

Может показаться странным, что аж цельный генерал, да всё сам, но я, получив генеральские погоны, тренировки не забросил и вообще любил работать «в поле». То есть руки запачкать не боялся. Да и нет тут подчинённых, которым можно доверить подобное дело. Сам я не хлюпик, хотя фигура не сказать что атлетическая, средний рост, всё среднее, и лицо сложно запомнить. Полезное свойство при моей специфике работы. Крови я не боялся, бывший начальник отучил. Однажды двое парней из нашего отдела, особисты, попали в засаду к чехам, как их пытали, было заснято на плёнку и нам подкинуто. После этого с пленными чехами мы поступали так же, как они с нашими ребятами. А головами бандитов играли в боулинг, вместо кеглей – пустые бутылки; я наловчился страйк выбивать с первого раза. В общем, если потребуется, и пытать смогу – кожу снять так, что клиент не помрёт и на вопросы сможет отвечать. Шикарный опыт. Правда, потом кто-то стуканул, начальника моего отправили на заслуженную пенсию, но дело замяли. Однако зверски умерщвлять бандитов мы не прекратили, просто видео писать перестали. «Око за око, зуб за зуб» стало для нас девизом, а для меня ещё и смыслом жизни. Так что бандиты на хуторе мои клиенты. Ну и трофеи тоже нужны. Я понимаю, что рисковать своей головой просто глупо, и профессионал контрразведчик во мне требует как можно быстрее отправляться в Москву, показывать и доказывать, кто я и откуда. Не думаю, что это сильно поможет, генералы – дубы армейские, пока головы не расшибут, слушать не будут, но мне главное Сталина убедить. Однако с пустыми руками появляться тоже не стоит. А в ближайшие три недели моя информация на ходе войны не особо скажется.

До Москвы придётся добираться самостоятельно, выходить на связь с местными коллегами, когда начнётся война – это изуверский способ самоубийства. Шлёпнут как шпиона и немецкого диверсанта и думать забудут. Нет, тут нужно действовать осторожно. И побыстрее покинуть территорию боевых действий. Я не мальчишка, у которого приключения в штанах играют, информация, которой я владею, слишком важна, и её нужно сберечь. Так что прорываемся вглубь территорий Союза, но перед этим позаимствуем трофеи и какой-нибудь транспорт. Именно из-за него по большому счёту я хуторян и навестил. Верхом я тоже отлично держусь, в седле немало горных троп за спиной оставил.

Пока пробирался к ограде, услышал, как на территории хутора затарахтел на холостом ходу мотор. Знакомый звук, похоже «эмка», у меня такая служебная была. О ней Вячеслав ничего не говорил, но если машина ушла этой ночью, а тот тут окажется завтра днём, то не удивительно, что он о ней не знал. Это может быть интересным.

Машина уезжать не спешила, что вселяло надежду её перехватить. Заполучить свои колёса было бы здорово. Добравшись до ограды, я вскочил и, прижавшись к ней, стал красться вдоль плетня. Часового у хуторян не было, просто на сарае сидел наблюдатель, чем-то вооружённый, как я успел рассмотреть. Темно, но палку в руках, а скорее всего, ствол винтовки увидеть смог. Проникнув на территорию, я подобрался к бревенчатому сараю, прислонился к нему спиной и достал нож. Тратить патроны на хуторян я не собирался – ножом уделаю. А вот наблюдателя придётся снимать пулей, тихо я его не сработаю. Хотя и тут рискнуть можно, мотор тарахтит и создает нужное звуковое сопровождение.

Выглянув из-за угла строения, я рассмотрел тёмный силуэт «эмки», фигуру, что суетилась у открытой водительской двери, и тёмный силуэт на фоне ночного неба – наблюдателя на крыше сарая.

Обойдя сарай, я подкрался к легковушке и, возникнув за спиной водителя в красноармейской форме, одним движением свернул ему шею. Потом, придерживая конвульсивно дёргающееся тело, мягко положил его на землю. Кровь пускать нельзя, собаки учуют и вой поднимут. Выйдя из-за укрытия, я мощным движением отправил нож в голову наблюдателя, и тот без звука завалился на спину. Клинок запер рану, крови должно быть мало. Я замер, ожидая, поднимется шум или нет, но всё было тихо, лишь звякнула цепь у собаки. И тут случилась неприятность – двор осветило лампой. На крыльцо жилого дома вышли двое. Старик, что держал лампу, и неизвестный в форме

командира РККА. Фуражку и детали формы я рассмотрел хорошо. Собаки так и молчали, видимо их приучили на чужаков не гавкать и не шуметь. С досадой скривившись – вот что значит работать без напарников, никто не застрахован от случайностей, – я достал из-за ремня пистолет и взял эту парочку на прицел. Те покидать крыльцо не спешили и о чём-то общались. Тарахтение мотора легкового автомобиля не давало прослушать, о чём, а движения губ были в тени, я умел читать по губам, но тут умение не пригодилось. Да и сомневаюсь я, что они на русском разговаривали. А я кроме русского неплохо знаю чеченский и китайский, и в совершенстве – английский. В училище меня готовили для работы у китайской границы, там в ФСК три года и служил, пока не перевели с повышением к армейцам и не отправили на войну в Чечню. После этого там и остался. А английский я самостоятельно выучил, благо носителей языка хватало. Чеченский же – по долгу службы. Затем начал учить арабский – всё понимаю, но говорю плохо, так что его не считаю за изученный. Вот с немецким я познакомился уже попав в прошлое, в ведомстве Берии, говорю с сильным акцентом, читаю лучше – пришлось много работать с трофейными архивами после победы.

Стрелять я не спешил, подворье пусто, глаза давно адаптировались к темноте – луна на небе, да и подсветка от лампы помогает, поэтому всё под контролем. Однако старик нет-нет да поглядывал на крышу сарая, видимо то, что там нет наблюдателя, начинало его тревожить. Вот он повернулся в сторону сарая, явно собираясь окликнуть того, и я, скривившись – жаль тратить патроны на такую мелкую дичь, – дважды нажал на спуск. Глушитель отработал штатно, хотя хлопки всё же были слышны. К счастью, их заглушил работающий мотор «эмки», чему я только порадовался. После выстрелов враги мягко повалились, и я рванул к ним. При этом держа оружие под рукой и сканируя всё вокруг на предмет других неожиданностей. Присев у трупов, быстро осмотрел, кого уничтожил. Командир оказался майором НКВД – уже звоночек, немецкие диверсанты любят выдавать себя за представителей именно этой конторы. Форма чистая – стрелял я в голову, но, жаль, не мой размер, подгонять нужно. Кстати, если вам скажут, что кто-то там перебил несколько солдат противника и, надев их форму, смог среди других солдат противника не выделяться, знайте, что это полная дичь. Не может такого быть. Для начала, форма должна сидеть привычно. Если взять роту солдат, то максимум от одного вам форма подойдёт по размеру, и то если повезёт. Новенькая форма встречается только у новобранцев, и сидит на них как на корове седло, пока те к ней не привыкнут и не подгонят. Чужая форма может иметь короткую длину рукавов, воротника… В общем, подобрать форму сложно. Поэтому, если такие окажутся среди солдат противника, в наспех надетой чужой форме, сразу станет ясно – ряженые. На этом диверсанте форма сидела

как надо, что ясно давало понять: немцы тему секут. Ну а то, что он ряженый, я проверил, изучив документы, которые достал из нагрудного кармана, и сапоги. Немцы его снаряжали, без сомнений. Это заметно меня успокоило. Ну а вдруг своего завалил?

Осматриваясь, я стал быстро раздевать «майора». Все попадания были в голову, что у диверсанта, что у старика, но кровь всё же подтекала, а испачкать форму, которая может мне пригодиться, очень не хотелось. Так что я подобрал отлетевшую после падения трупа фуражку и быстро всё снял. Даже сапоги содрал. Хотя френч всё же слегка испачкал, он через голову снимался. Оставив обнажённое тело на крыльце, осмотрел старика, но тут трофеев нет, он даже босиком был. Сапоги и узел с формой убрал в сторону, дальше, поднявшись на крышу сарая – там сбоку лестница прислонена была, – вернул свой нож. Он, конечно, из комплекта аквалангиста, не стреляющий, как тот, что у меня на поясе висел, но всё же вещь ценная. Ну и оружие наблюдателя осмотрел. Карабин Мосина оказался, на ремне подсумки. Всё взял и отнёс в машину. Первые трофеи. У «майора» в кобуре наган был. Кстати, лампу я погасил и убрал в салон, она керосиновой была, тоже пригодится. Форму – на заднее сиденье. А теперь начнём зачищать все строения.

Зачистка заняла едва полчаса. Оказалось, что взрослых мужчин было на хуторе всего трое, видимо те, с кем воевал Вячеслав, ещё не подошли. Двое батраков – думаю, их он и уничтожил на той поляне – спали в отдельном домике, я их без сомнений на тот свет отправил. Потом – младший сын старика, лет двадцати. Проверил всё, баб и детей загнал в сарай, а сам связанного паренька начал допрашивать. Что меня порадовало, ни одного патрона больше не потратил. Всего два ушло – на тех двоих на крыльце. Сломал я парня быстро, жёстко работал, не жалея, как с чеченцами бывало, так что уже через пятнадцать минут знал весь расклад.

Не ошибся, всё, как я и предполагал. Сейчас ночь с двадцатого июня сорок первого года на двадцать первое, хотя оно уже наступило, пока я на хуторе возился. Западные области, неподалёку Брест: сто километров – это недалеко; до границы тоже рукой подать, не больше пяти верст. Болота вокруг. Одним словом, ситуация знакомая. Выпытав у бандита, где находятся схроны на хуторе, я забрал часть оружия – там даже пулемёт ДП был, патронов к нему три цинка, еще два карабина Мосина, одна винтовка СВТ, шесть пистолетов ТТ и четыре нагана, всё убрал в салон машины. Я ее все-таки заглушил, чтобы слушать звуки вокруг. Жаль, гранат всего два десятка, из них девять РГД-33, остальное –

всякой твари по паре. Было немало медикаментов, видимо тут планировали своих лечить; что примечательно – перевязочные средства и лекарства немецкие и свежие. Тоже взял. Ну и продовольствие: полмешка гороха, полмешка гречки, мешок макарон, ящик тушенки – судя по маркировкам, советской, – вязанка лука, мешок картошки. Почти двадцать кило солёного сала в погребе нашёл в чугунке. Соли надыбал коробку. Посуды походной, включая котелок и чайник. Нашёл чай, бочонок мёда прибрал. Машина уже полная, но я не останавливался. Пару одеял прихватил, приметил тюк палатки – взял, плащ-палатку армейскую уже в машине нашёл. Две канистры с бензином были в машине, оставил, лишь бидон с керосином прихватил, полный, для лампы. Ну и целый вещмешок красноармейских книжиц и командирских удостоверений, которые бандиты собирали с убитых ими бойцов и командиров РККА, очевидно для отчётности. К тому же они, видимо, устраивали налёты – денег обнаружилось много, почти полмиллиона рублей, часть золотыми монетами. Тоже всё забрал.

Парня я уже умертвил, женщин и детей только не трогал; сел в машину и покинул хутор. Забрал свои вещи на опушке и поехал прочь. За остаток ночи и следующий день я планировал убраться как можно дальше от границы. В пути, съехав с лесной дороги, встал на опушке, прихватил часть трофеев, в основном деньги и золото, ну и пару пистолетов с боезапасом, и, удалившись в глубь леса, пехотной лопаткой вырыл яму под схрон. После недолгих размышлений, туда же сложил оружие из прошлого мира, вместе с боезапасом, нож разведчика и награды. Оставил при себе только удостоверение генерала НКВД. Кстати, настоящее удостоверение я сдал, это копия была – для подтверждения, что я из другого мира, его вполне хватит. Всё завернул в плащ-палатку и закопал, замаскировав. Вернувшись к машине, погнал дальше.

Скоро светать начнёт. Удалился я километров на десять и проехал пару армейских летних лагерей, когда меня обстреляли с опушки леса. Работал пулемёт. В лобовом стекле образовалось два отверстия, а я почувствовал удар в грудь. Одна пуля пролетела мимо, а вторая попала. Мне хватило сил, зажимая рану и давя на педаль газа, доехать до ближайшего армейского лагеря, где, судя по силуэтам орудий, стояли артиллеристы. Подъехав к КПП и открыв дверь, я прохрипел подбежавшему часовому:

– Я из будущего, утром двадцать второго июня начнётся война…

Что было дальше, не помню, вырубило, и, похоже, надолго. Я ещё хотел добавить про польских бандитов, что в машине трофеи с них, но не успел. Как бы не добили, найдя сидор с документами бойцов и командиров РККА. Моё генеральское удостоверение ещё поди отыщи, оно в носке на левой ноге спрятано, голенище крепко держит. Ещё и форма майора НКВД и того бойца-водителя на заднем сиденье под грудой вещей. Хм, плохо может быть…

* * *

Не знаю, сколько я находился в беспамятстве, кажется, периоды прояснения сознания были, но кратковременные. Вроде бы мне задавали вопросы, я что-то отвечал, бормоча, но что именно, в памяти не сохранилось. Одно радовало – не добили, выжил! Интересно, я в Москве?

С некоторым трудом открыв глаза, я стал изучать белёный потолок. Состояние было так себе, всё приходилось делать с усилием. Слегка ныла грудь, но то, что лёгкие целы, я знал, пуля попала в плечо и вышла в районе лопатки. Когда я к своим гнал, то изредка сплёвывал слюну на ладонь, и она была чистая, без розовых вкраплений крови. Так что точно говорю – лёгкие не зацепило. Еще хорошо, что пуля навылет прошла. Рану на спине я закрывал, прижавшись к сиденью, а на груди – рукой, чем заметно снизил кровопотерю. Возможно, это и помогло доехать до своих. Жаль, дальше сознание потерял, не успел информацию нужную передать. С трудом подняв правую руку – ранение было в левое плечо, – я ощупал себя. Лежу обнажённый, под простынёй ничего, на груди плотная повязка. Живой – уже приятно. Похоже, в палате я оказался не один, рядом скрипнула койка, и я услышал вопрос на вполне чистом русском языке, хотя что-то в нём было не так:

– Хой, парень, очнулся?

С натугой повернув голову, я посмотрел на неизвестного в полосатой пижаме, рядом с койкой которого располагалось окно, забранное решёткой. Это был плотный парень лет двадцати пяти, русоволосый, с рукой в гипсе и старыми следами синяков на лице. Закончив осмотр, я сухим горлом прохрипел:

– Где я? Какой сейчас день?

Рана тупо ныла, и даже попытка пообщаться отдавалась болью. Парень молчать не стал и сообщил:

– Это тюремная больничка в Минске. Сейчас шестое июля.

Та информация, что я смог собрать, прояснила ситуацию. Видимо, меня посчитали диверсантом и отправили в тюремную больницу, хорошо хоть прооперировали и перевязали. Ну и то, что Минск уже под немцем, я тоже теперь знал. Когда его сдали, мне известно. Вон, даже канонады не слышно – значит, наши далеко удрали. Делаю вывод, что сейчас вокруг немцы, возможно и сосед мой из них. Да точно из них. Интересно, он будет меня играть, пытаясь вывести на чистую воду? В это время сам сосед дошёл до двери и постучал – видимо, та запиралась снаружи. Потом он что-то пошептал в открывшееся окошечко и вернулся к своей койке. Окошко закрыли, и уже через минуту дверь, щелкнув замком, открылась, а в палату вошли трое. Играть, похоже, меня не собирались, один из гостей был в форме офицера гестапо – я даже удивился, почему именно эта служба, – а вот двое других – явно русские, врач и медсестра, видимо, медперсонал немцы заставили работать на себя. Те испуганно поглядывали на офицера. Гестаповец сразу же начал задавать вопросы на немецком, но я мог только хрипеть, меня мучила сильная жажда. Медсестра меня напоила – вся вода из поилки ушла, – после этого можно было и пообщаться. Правда, сначала гестаповец дождался, когда врач меня осмотрит и уйдёт, после чего продолжил опрос. Пришлось отвечать:

– Вторая рота первого батальона «Бранденбург-восемьсот». Рядовой Бизоев. Выполнял задание, попал под обстрел ночью, что дальше было – не помню.

Тут дверь снова отворилась, и вошли двое в форме НКВД. У обоих халаты наброшены на плечи. Тот, что имел кубари старшего лейтенанта в петлицах, сказал гестаповцу:

– Спасибо, Егор, дальше мы сами.

«Гестаповец», молча козырнув, покинул палату, я же, мысленно костеря себя – такой дешёвый развод! – внимательно осмотрел обоих сотрудников НКВД. Нет, не узнаю их. Хотя если я в Минске, то играют меня уже немцы, тогда не удивительна молчаливость «гестаповца», тот мог и не знать русского. Так что будем играть в молчанку. Хотя один вопрос задать можно. А лучше два:

– Война началась? И где я в действительности нахожусь?

– Война началась, и ваши германские армии несут большие потери, – ответил всё тот же старлей, второй, у которого были шпалы капитана, то есть тот лейтенант госбезопасности, всё ещё молчал. – Вы находитесь в больнице города Минск.

Этим он расставил точки над «i». Играли меня немцы. Поэтому дальше я общаться отказался. Полчаса они пытались надавить на меня, но без силового воздействия – кстати, сосед не уходил, слушал внимательно, – а потом вернулся гестаповец, всё же, похоже, настоящий, и сообщил:

– Ваши данные будут проверены по спискам батальона «Бранденбург», а пока отдыхайте и лечитесь.

Когда те ушли, сосед сказал:

– Знаешь, я был уверен, что ты русский. Из диверсантов. Хотя для диверсанта у тебя возраст неподходящий. Проверили, вроде действительно свой. Скоро проверят по архивам, узнают, точно ты наш или нет. Я сам из другой роты. Жаль, мы друг друга плохо знаем, опознать тебя не могу. Сам я в плену оказался, когда мы устроили налёт на штаб одного из корпусов Советов. Крепко нам тогда досталось. Половину ребят потеряли, а я раненым в плен попал. Остальные вроде как успели отойти. Потом наши захватили Минск и нас освободили. Сам я из Белостока родом, а ты откуда будешь? Вроде не украинец?

– Чеченец. Меня ещё в сороковом завербовали.

– Ясно.

– Что там с войной, как началась? Мы действительно в Минске?

– Началась так, как запланировано, – оживился сосед. – Советы так драпали, что мы Минск на шестой день взяли, тут сейчас глубокий тыл. Сейчас наши войска осадили Могилёв и добивают окружённых на Белостокском выступе. Ничего, скоро очистим эти земли, будем править. Я себе уже присмотрел деревеньку, мне за ратные подвиги её пообещали.

Пока тот описывал красоты своих будущих владений, вернулась медсестра с подносом – нам принесли ужин, снаружи, оказалось, уже вечер властвовал. Манной кашей на молоке она кормила меня сама, с ложечки. А хорошо немецких солдат снабжают. Сосед сам поел, правая рука у него вполне целая. Я же, поужинав и попив несладкого чаю, лежал и размышлял. Желудок немного бесился, видимо за три недели впервые еда попала в него, ещё в пот бросило, но вроде не критично. Стоило обдумать, что делать дальше. То, что я в глубокой заднице, было понятно и так, но нужно найти выход! Интересно, а куда дели моё генеральское удостоверение? Оно одно указывает на моё прибытие из будущего. Так проще сообщить, чем объяснять, что такое параллельные миры. Также хотелось бы знать, что написано в моём личном деле задержанного, которое наверняка завели. Думаю, оно тоже досталось немцам. В общем, пока ничего не ясно и не понятно. Кстати, температура спала после ужина, сил поднабрался, помогла калорийная пища, я даже смог сесть на койке. Голова от этого сильно кружилась, но ничего, терпимо. Привыкая к вертикальному положению, я прикидывал, сколько у меня есть времени. Если поторопится местное СД, проверяя меня, через сутки-двое уже будет знать, что рядовой Бизоев действительно числится в той роте, да и данные командиров я назвал правильно, что, видимо, и сняло подозрения. Работая в параллельном мире, я изучал списки этого батальона, который в сороковом был переформирован в полк. Единственный чеченец в рядах привлёк моё внимание. Он уже служит, у нас он пропал без вести в сентябре на Брянщине со всей группой. Я не знаю, где сейчас Безоев, и в ответ на запрос могут сообщить, что тот жив и находится на задании. Да ещё внешнее описание дадут, а тот реальный кавказец. Это я типичный русак, сообщивший, что гены такие и на кавказца поэтому мало похож. А вообще-то я чеченский князь, у которого мать русская дворянка, и в рядах батальона добываю справедливость. Ну, и остальная муть… Конечно, версия придумана наспех, так и времени подобрать более серьёзную у меня не было. Да ещё состояние такое, что мысли плавают.

Ночью, когда сосед спал, я стал изображать судороги, с пеной изо рта. Тот всё же проснулся от шума. Включив свет, бегло меня осмотрел и стал стучать в дверь. Вскоре прибывшие врач и медсестра быстро зафиксировали мою тушку и начали спасать. Изображать эпилепсию я научился ещё в том мире, так что боролись за мою жизнь серьёзно. Наконец справились, и, похлопав глазами, я спросил:

– Что это было?

– У вас случился эпилептический приступ, – устало вздохнув, сообщил врач, пока медсестра развязывала меня.

– Ничего не помню.

– Это нормально, – согласился врач и застыл.

Причина у него была. Меня уже освободили, так что, схватив из бокса, что стоял на подносе, скальпель, я метнул его в соседа. Тот как раз вставал с койки, и лезвие вошло ему в глаз. Сильный бросок – все силы приложил. Умер тот мгновенно. Посмотрев на медиков, я сказал:

– Я русский диверсант. Если поможете, вытащу вас из Минска и доставлю к нашим.

Отреагировали они не так, как я планировал. Медсестра прыгнула на меня и зафиксировала руки, когда я потянулся за вторым скальпелем. Врач нажал на точку на шее, и меня вырубило.

* * *

Середина августа, вагон с решётками на окнах мягко покачивался, громыхая сцепкой и колёсными парами на стыках, вёз заключённых по этапу на Урал, где спешно строились новые зоны, эвакуированные из областей, к которым приближались немцы. Вот с этими зеками перевозили и меня.

Я лежал на нарах – тесно, но наш вагон особый, охрана усиленная, так что найти место было можно. Надо сказать, я пребывал в ярости. Шок, изумление и всё остальное прошли давно. Меня, недолеченного, отправили в Москву – оказалось, играли меня всё же наши и убил я оперуполномоченного НКВД, тот ранен был, лечился, ну и заодно играл меня. Так что я сразу перешёл в стан врагов, и допрашивали меня жёстко. Нет, я понимаю, немцы наступают, время такое, но меня ведь даже слушать не хотели. Я пытался объяснить, что я из будущего, что знаю, как будет идти война. Даже давал описание, а те только смеялись. Держали в камере на Лубянке и допрашивали. Четыре раза наверх таскали. Думаете, меня о чем-то спрашивали? Как же, просто избивали, после чего спускали обратно. Не знаю, может, доводили до кондиции, но вдруг отправили

по этапу. Суд был, дали двадцать пять лет лагерей. Странно, что не вышку, расстрелы тут проводились часто, изрядно народу угрохали. Кстати, дело оформили на меня, я дал свои данные, Олега Анатольевича Бурова. Так и пошел по этапу. Долдоны. В прошлом мире Берия в сорок втором провел изрядную чистку в наркомате, большую часть сотрудников направил в особые отделы армий и стал набирать уже нормальных парней, которых учили с нуля. Качество работы поднялось на изрядную высоту, я с ними работал, знаю. Жаль, мне так не повезло. Да и вообще с момента, как в этом мире оказался, везение куда-то пропало. Ранили, теперь на зону еду. По крайней мере, я принял решение: на контакт с местными властями я больше не пойду. Отбили у меня к этому желание. Поначалу держался, всё же понимал – люди работают, но потом увидел, что никакой работы нет, меня тупо забивали, а потом осудили и отправили на зону. Да и вообще, нашим я уже помогал – в прошлом мире, а здесь не буду. По крайней мере, пока не убедят меня сделать обратное. А для этого теперь очень постараться нужно будет. Не стоит думать, что у меня какие-то детские обиды, вот ещё, просто работать через наркомат Берии я смысла уже не вижу. Моя репутация там изрядно подмочена, даже слушать не будут, шлёпнут, и все дела. Я вообще в изумлении, что меня до сих пор не расстреляли. Таких случаев с осуждением и отправкой на зону единицы. Проще пулю пустить в лоб. Так что, возможно, выйду на армейцев. Придётся – я побег измыслил. Точнее, даже не я, а группа бандитов, которых наши причислили к диверсантам и шпионам. В большинстве своем тут были польские и украинские бандиты – за сутки пути я уже разобрался, что реальных диверсантов здесь всего трое, остальная шваль просто стреляла в наших в прифронтовой зоне, была изловлена и отправлена по этапу. Глупость несусветная. Только расстрел спасёт их, вот моё мнение. А так только народные деньги тратятся на содержание, а потом ещё и на волю выйдут. А если амнистия? То-то и оно.

Те трое диверсантов быстро скорешились, хотя, похоже, раньше друг друга не знали, и замыслили побег. Большая часть народа в вагоне их поддерживала, я тоже, хотя изображал сильно избитого. Да чего тут изображать? Все так и есть. До параши еле доходил, кровью ссал, так что если в побег и пойду, то только на одной силе воле. К слову, здесь таких, как я, хватало.

Как диверсы решили всё устроить, не знаю – охрана у нас действительно двойная. Одно радует – вагон не специализированный, обычные теплушки, у которых забили решётками и так небольшие оконца.

Разбудили меня в полночь, оказалось, соседи сломали пол, две доски как-то выломали, и по очереди ныряли в тёмную пропасть. Решались на подобное не все, я прикинул, что не так и много людей ушло – вагон всё ещё полный, однако я встал следующим, шанс свой упускать не хотелось. Когда очередной нырнул в дыру, причём, как я понял, он не прыгнул, а, удерживаясь за железные швеллеры, пополз куда-то в сторону площадки, я следом и шагнул. На подобный трюк, правда, был не способен из-за плохого физического состояния, поэтому, оттолкнувшись, просто полетел под откос, сгруппировавшись. Долго катился, видимо тут пологий склон, пока не плюхнулся в воду, подняв брызги. Это не речка, чем-то на болотце смахивало. Кстати, когда отталкивался, то рассмотрел на площадке борьбу. Похоже, там соседи на часовых напали, но всё тихо было. Оружием воспользоваться не успели. Вынырнув, я выбрался на сушу и стал прислушиваться, но выстрелов так и не было. Ночь выдалась безлунной, тучи низкие висели, воздух сырой и влажный, хоть и без дождя пока.

Эшелон уже ушёл, выстрелов я так и не дождался, неужели тихо сработали?

Выбравшись на берег, я первым делом ощупал себя. Несмотря на то что работали надо мной серьёзно, два зуба выбили, я особо не пострадал. В принципе, травмы имелись только мягких тканей. Кости целы. Пулевое ранение в плечо у меня зажило, хотя и по нему били, отчего я терял создание «на допросах», оно кровило и долго не заживало, но сейчас вроде ничего. Одет я был не в робу заключённого – это у немцев всё по порядку, а у наших зеков в чём приняли, в том и сидишь. Где мой камуфляжный костюм, я теперь не знаю, выдали мне какие-то обноски. Брюки не по размеру, вонявшие псиной, рубаху с оторванным нагрудным карманом и без трёх пуговиц. Даже нательного белья не было. Обувь вообще кошмар: стоптанные боты без шнурков, хорошо ещё, мой размер. Кстати, а где боты? Пока катился, те слетели с ног.

Закончив себя ощупывать – похоже, мой полёт и кувыркания обошлись малой кровью: колено болело, которым стукнулся о камень, и рёбра с правой стороны ныли, по той же причине, – стал высматривать боты, поднимаясь вверх по склону. Один ботинок быстро нашёл, другой пришлось поискать. Без обуви не побегаешь, хоть такие, но пусть будут.

Выбравшись на шпалы, я побежал по ним прочь, в ту сторону, откуда пришёл тюремный поезд. Я даже не знал, по какой ветке мы ехали и где оказались за время пути, но проблем в этом не вижу. Я на свободе, имею опыт общения с местными властями и знаю, от чего отталкиваться.

Я решил, что местные и сами хорошо справляются, а на мне задание висит из прошлого мира. Поэтому двигаю к порталу, переправляюсь в родное время и занимаюсь делами, закупкой технологий и промышленной информации. Там решили начать выпуск компьютеров и систем на их базе. Но не было нужных технологий, вот что нужно приобрести и отправить к ним. Не знаю уж, как они станки будут ловить, но надеюсь, справятся. Ладно, это дело будущего, мне главное до передовой добраться и оказаться на оккупированной территории, а там и до границы дойти. Надеюсь, сделаю всё быстро, не хочу в холодной осенней воде нырять или зиму пережидать.

До утра дождя так и не было, о чём я жалел, тот бы смыл все следы. Напрягая все свои невеликие силы, я пробежал по шпалам километров пять. Бежал особым манером: километр быстрым шагом, ещё километр бегом, придерживая ноющий бок. Мне повезло, со спины нагнал попутный состав, похоже с углём, мне удалось зацепиться за заднюю площадку одного из вагонов и проехать километров двадцать. Спрыгнул, когда тот тормозить начал перед какой-то станцией. Пришлось обходить деревню, окружавшую эту самую станцию. Когда впереди мост показался через речку, стороной прошёл. Прямо в одежде, держа боты в одной руке, переплыл реку – она не особо широкая оказалась, метров сто всего, – и, найдя тропинку, побежал дальше.

Утро застало меня в открытом поле. Хорошо, тут пшеница росла. Сошёл с дороги, примял место и вскоре уснул, хотя голод крутил желудок – в камере тоже не особо сытно кормили. Так что даже нарвал колосков и пожевал, хотя не очень-то помогло. Морщился от боли в челюсти – последствия выбитых зубов, – но, главное, чуть пригасил голод. Моя ближайшая задача – уйти от зоны поисков как можно дальше.

Проснулся я, ещё когда светло было. Железка оказалась в километре от меня, по ней ходили составы, там как раз удобный поворот был, где составы притормаживают, можно запрыгнуть, чтобы сократить путь, но я решил, что для меня это слишком опасно. Ведь ясно же, что искать вдоль путей будут, проверять составы, так что как стемнеет, я, наоборот, уйду от железной дороги как можно дальше. Доберусь до ближайшего города, закуплю всё что нужно и двину к порталу. Где добыть денег – это дело десятое, тут я вообще проблем не видел, главное до передовой добраться.

Встать я не мог, сразу на виду окажусь. Не знаю, есть ли кто вокруг, но рисковать точно не стоило. Так что лёжа отлил – в речке я напился так, что живот вздулся. Опять, срывая колоски, растирал их и, забрасывая в рот зёрна, пережёвывал. Силы мне нужны, а как без них обойтись, если желудок пуст? Так время и тянул. Голод исчез, видимо зёрна все же помогли, но очень хотелось пить. От речки и моста я ушёл на километр, не больше, но где там впереди водоемы будут, неизвестно, поэтому, когда стемнело, выбрался на дорогу и вернулся к реке, где снова напился, и тогда уж снова побежал прочь.

Просёлочная дорога уводила в сторону от железной дороги, но дважды пришлось прятаться – деревенские на телегах проезжали, один раз пешком женщины с косами прошли. Даже стыдно, я, почти здоровый мужик, прячусь, а они тут вкалывают. Мужики на фронт ушли, и всё на них свалилось, и ведь терпят, занимаются колхозными полями, а ведь и свои подворья есть, которые тоже сил требуют. Так и бежал, стыдя себя, пока вдали не приметил блеск костра. Так-то я видел свет от двух деревень, мимо которых пробегал, особо светомаскировки там не соблюдали, да и кому они нужны?

Подкравшись к костру, обнаружил легковую машину ГАЗ-А, который фаэтон, и двоих мужчин у костра: один, по виду, из начальства – вёл себя по-барски; другой, видимо, водитель – суетился много. С такими нотками подхалимства, которые обычно появляются у тех, кто долго личным водителем у высокого начальства работает. Двое эти уже поужинали и готовились ко сну. Начальник ругал водителя – они пропустили нужный поворот, и ночь застала их в дороге. Хорошо хоть есть, чем перекусить и на чём переночевать.

Дождавшись, когда они затихнут – костёр к тому времени уже погас, только угли краснели, – и подкравшись, я нанёс два удара, отправив двоицу в более глубокий сон. Дальше быстро раздел их и из двух комплектов подобрал себе одежду: брюки и кожаная куртка с водителя, с него же сапоги – мой размер, с толстяка-начальника – свободная рубаха и кепка. Документы им оставил, но все наличные деньги забрал. Особенно солидная пачка была у пузана, видимо за что-то расплачиваться вёз. При нём была квитанция на получение этих денег из кассы колхоза. У него же обнаружился наган с сильно потёртым воронением и, похоже, давно не чищенный. Я, пока доедал остатки их ужина, изучил его, раздув угли. Патронов к нему три десятка нашел.

Еду я всю подмел, ну и накрыл бедолаг одеялами, чтобы ночью не помёрзли, запустил двигатель машины и погнал прочь. До утра проехал километров

двести, пока бензин не закончился. Когда машина начала дёргаться – мотор заработал с перебоями, – свернул в сторону рощи и загнал ее на опушку. Замаскировал машину ветвями – хорошо, топорик в машине нашёл, потом убрал в вещмешок со всякой мелочёвкой, что нашёл у хозяев техники. Ушёл от машины в сторону и, накрывшись курткой, вскоре уснул. Я уже разобрался, где нахожусь: до Москвы километров пятьдесят осталось. А везли нас по железной дороге на Ярославль.

Выспавшись, я открыл глаза. Пока всё тихо. Прогулявшись до машины, которую так и не обнаружили, обновил маскировку и, уйдя на другую сторону рощи, поискал водоём, но не повезло. Так что стал ожидать наступления темноты. С моей небритой рожей, которую покрывали синяки разной степени свежести, выходить к людям явно не стоило. Так что только ночью. А как стемнело, побежал по дороге дальше. План дальнейших действий у меня уже сформировался, ему и буду следовать. Однако просто так уйти в свой мир я не мог, совесть офицера и контрразведчика не позволяла. В наркомате НКВД знакомых у меня хватало, где они жили, я знал, вот и собирался повстречаться с кем-нибудь из них и передать информацию. Немного, что я там успею за сутки, но хоть что-то, а потом – портал и родной мир. Вот такой у меня был план, а подробностей попутно доработаю.

Чувствовал я себя всё так же плохо, когда еще восстановлюсь, но времени было мало, середина августа, а столько нужно успеть. Поэтому и двигался я фактически бегом, и к утру, когда светать начало, рассмотрел всё же вдали окраину столицы. Тут уже прятаться пришлось, вокруг Москвы воинских частей хватало, три поста на дороге обошёл полями – просто повезло, что не засекли, – а мне ведь в саму столицу как-то пробраться нужно. По дороге мне два села и три деревни встретились. В одной я припасов и пополнил: нашёл там столовую колхозную, вскрыл окно и набрал припасов из кладовки. Заодно заглянул в кабинет директора, или заведующей столовой – не знаю, кто там у них главный. Добыл писчих принадлежностей, чистую книгу учёта и две чистые тетради – больше ничего ценного там не обнаружилось. Пригодится, чтобы свои воспоминания выложить. На слух особой надежды нет, что мой собеседник всё запомнит, а тут хоть что-то останется.

Выспался я в кустарнике на берегу речки, проснулся часа в четыре дня – часы у того начальника, у которого машину угнал, трофеем прибрал, теперь они у меня на левой руке тикают. Позавтракав, я устроился в кустах и, подложив книгу

учета в жёстком переплёте в качестве столика, стал заполнять тетради. До наступления темноты успел заполнить только одну, описывая все известные мне сражения, особенно про блокаду Ленинграда дал развёрнутую информацию с количеством погибших от голода; все крупные поражения советских войск, почему и из-за кого они произошли. До сорок четвёртого года дошел в записях. Дальше смысла нет, если в них поверят, изменения пойдут и ничего похожего не случится, я это знаю по миру, где Вячеслав повеселился. Надо же, до полковника дослужился, трижды Герой Советского Союза. И ведь за дело. Больше сотни сбитых.

Когда стемнело, покидать своё укрытие я не стал, а, искупавшись в речушке, сделал холодный компресс на лицо – нужно как можно быстрее свести синяки. С ними в город заходить не стоит, мигом внимание привлеку. У меня есть запас продуктов на пять дней, две тетради и журнал, так что займусь составлением мемуаров для наших. Ну, почти наших. Да нет, ни хрена, наши в других мирах остались. Однако помочь всё же нужно.

Укрытие оказалось неплохим. На третий день довелось пережить небольшой дождик, но всё ценное я завернул в куртку, так что не промокло, а пока выстирал вещи, искупался – да я вообще мало из воды вылезал, она реально лечила. Пусть синяки за пять дней окончательно не сошли, лишь сильно пожелтели, зато лицо уже не опухшее. Исписал я за это время обе тетрадки и журнал учёта. Приложил список предателей; к чему стремиться после войны, указывая тупиковые направления и где ожидается успех; краткий обзор по месторождениям нефти, газа, угля, алмазов, золота и изумрудов – в общем, всё, что так нужно.

Как я ни берегся, но за эти пять дней одежда все же помялась и кое-где порвалась, ладно хоть чистая после стирок, да и я оброс. Бритвы-то среди трофеев не было, не повезло мне с ней.

На шестой день, ещё затемно, поправляя лямки вещмешка за спиной, я направился к городу. Когда на улицах оказался, окончательно рассвело, и я уверенным шагом направился к рынку. Надо сказать, нож у меня был один – складной, который автолюбители использовали для нарезки припасов. Я его, конечно, наточил о камень, как смог, но всё же нормально побриться им не получилось, ещё и порезался, но хоть частично соскрёб щетину. Нужно её совсем убрать, поэтому на первом месте – покупка бритвы. Припасы тоже

закончились, вчера ещё, они следующие в списке.

Надвинув кепку на глаза, я поднял воротник куртки и так дошёл до рынка. Тот уже открылся, и чего только тут не было! Всё мне необходимое нашлось, так что я занялся покупками. Приобрел бритву новенькую с помазком, мыло, зеркальце, чашку для взбивания пены. Потом купил комплект одежды – походная жизнь не пошла трофейной на пользу. Тут же удалось и поесть – пять ещё горячих пирожков с кружкой молока, после чего в ближайшем парке развёл костерок бездымный, разогрел воды в котелке – это трофей от автовладельцев, – и отлично побрился. Потом переоделся. Денег с хозяев авто хватило на чёрные крепкие брюки, два комплекта нательного белья, трусы, майки, тёплую рубашку, лёгкий свитер и куртку с длинными полами. Свитер и куртку я убрал в вещмешок, для них ещё рано, август тёплый был, вон каждый день купаюсь.

Вернувшись на рынок, я быстро продал трофейную одежду. Даже кожанку не пожалел – вещь приметная. Кепку и сапоги тоже продал. Вместо них обзавелся отличными полуботинками на шнуровке и тремя комплектами носков. Одежда ношеная, но и продавал я тоже не новьё, хотя выручил не так и много. Оставшиеся деньги потратил на самое необходимое. Кстати, немногую утварь, что взял трофеями, продал там же, где и другие вещи. Взамен купил армейский котелок, ложку с вилкой, глубокую тарелку и большую кружку. Из продуктов – три кило солёного сала, в дороге высококалорийная пища самое то, два кило сухарей, три банки с тушёнкой, пачку макарон, крупы, овощей и немного картошки. Ну и считай на последние деньги купил армейскую плащ-палатку. За время путешествия я очень высокого оценил полезность такой необходимой вещи.

Итак, вещмешок полный, скатка плащ-палатки сверху закреплена. Поправив новую кепку, я направился по одному из адресов. Деньги в кармане – мелочь, несколько рублей, но платить не пришлось за трамвай: как и многие, я на задней площадке в переполненном доехал. Сойдя на остановке, пересаживаться не стал – недалеко осталось, дошёл пешком. В девять утра я оказался по нужному адресу.

В этом доме на втором этаже проживал старший майор государственной безопасности Павел Анатольевич Судоплатов, мой большой друг. В прошлом мире. Тот сейчас в Москве работает. Недавно стал организовывать разведывательно-диверсионную работу и партизанские действия в тылу противника. Супруга Павла тоже работает в наркомате, так что сомневаюсь, что

она дома. Сейчас у них запарка. Мельком осмотрел двор и вход в подъезд – дом не относился к особо охраняемым, но консьерж в нем имелся и тот обязательно сообщит, куда нужно, о подозрительных личностях. А я со своим личиком к другим и не мог быть отнесен.

Закончив проводить рекогносцировку и убедившись, что ничего не изменилось, я покинул этот район. Сначала избавился от вещмешка – мешает и внимание привлекает, поэтому спрятал его в укромном месте; потом озаботился добычей средств, что заняло около двух часов. Тоже использовал знания по прошлому миру. Похоже, их идентичность полностью подтверждается. В прошлом мире в узких кругах, в основном по нашему наркомату, прошла информация о захвате хранителя воровского общака. Количество находок вызвало изумление и шок. Пару танковых полков с нуля можно сформировать на эти деньги. Вот я его и посетил, ликвидировал двух охранников и самого старичка допросил по-жёсткому. Интересного было немало, брал я только самую ценную ювелирку. Сразу видно, что древность, всё дорого и красиво, значит, стоит немало. Полный вещмешок набрал. Ну и наличных тысяч десять. Потом вскрыл все нычки и схроны, вызвал по уличному телефону милицию и направился прятать трофеи. Убрал новый сидор к своему вещмешку с припасами. Кстати, трофеями ещё один наган взял и ТТ, ну и боезапаса солидно. Оружия там хватало, но я взял привычные образцы. Жаль, парабеллума не было, хорошее оружие, мне такое нравится.

Я пообедал да и поужинал в городской столовой, и перед самой темнотой во двор нужного дома свернула легковая машина. Салон покинул Судоплатов, силуэт не спутаешь. Машина уехала, а тот направился к подъезду. И когда открывал дверь, получил удар в лицо. Попытался уйти от второго, причем быстро среагировал, но тот его все же вырубил. Подхватив тело, я пробормотал:

– Извини, Паша, но так нужно.

Комендантского часа в столице пока не вводили, так что мне не помешали донести на загривке тело Судоплатова до угнанной мной «полуторки», она на улице припаркованной стояла. Погрузил его в кабину, мои вещи уже были тут, и поехал к выезду из города. Чтобы не встречаться с постом на трассе, объехал по второстепенным улицам и выбрался на полевую дорогу.

Я укатил от окраины Москвы километров на десять, не меньше, когда Судоплатов зашевелился, застонал и поднял связанные руки к лицу.

Осмотревшись мутным взглядом, он посмотрел на меня и спросил:

– Ты кто?

– Друг твой. Между прочим, лучший. Сына твоего Толика в сорок шестом крестил.

– Что за бред?

– Паш, что ты знаешь о параллельных мирах?

– М-м-м?..

– Ясно. Меня зовут Олег Буров, с сорок седьмого года генерал-лейтенант НКВД. Получил по личному представлению Берии. И да, это произошло не в этом мире. Я иномирянин, если ты не понял. Причём этот мир, где я сейчас нахожусь, уже третий, в котором я побывал. Родился я в тысяча девятьсот семьдесят третьем в Москве…

Остановив машину и заглушив двигатель, я за час довольно подробно расписал историю своей жизни, службы, потом приключения племянника, кем он стал в мире Сталина, как нас туда перетянул, как мы там работали и для чего возвращались. Ну и как в этот мир попал и что из этого вышло, вплоть до побега с тюремного поезда и сегодняшнего ограбления. О последнем тот, как оказалось, уже слышал, громким дело вышло. Закончил я такими словами:

– Как ты сам понимаешь, желание сотрудничать с вашим правительством у меня отбили напрочь. Глупо всё как-то вышло, но хоть напомнили, что у меня другое задание, не менее важное. Так что я отправлюсь к порталу и ухожу в свой мир. Только уйти просто так все же не могу. Я там написал все свои воспоминания по этой войне, что потом будет. В общем, информация важная. Считай это прощальным подарком.

– Да уж, накрутил. Неприятно слышать, как меня арестуют и придётся имитировать помешательство, как было в твоём мире. Значит, сын в сорок третьем родится?

– Да, восьмого мая. Ладно, Паш, пусть ты меня и не знаешь, но я считаю тебя своим другом. Давай руки развяжу. Ты не смотри, я хоть и помят, ещё не восстановился, но шансов у тебя против меня нет, так что не пытайся что-либо сделать.

Пока Судоплатов разминал кисти, я достал тетради и журнал, связанные бечёвкой в один пакет, и протянул ему:

– Вот та информация, что я могу выдать. Тут немного, но основные моменты описаны. Список предателей и кто развалил Союз в будущем тоже указано.

Тот взял протянутые тетради и внимательно посмотрел на меня. В темноте рассмотреть сложно, так что я включил фонарик, и тот, прищурившись, запоминал моё лицо. Подумав, спросил:

– Может, всё же со мной?

– Нет, у меня задание, сам понимаешь, нужно технологии будущего переправить в другой мир, копию вашего, а портал мало того что в болоте, так ещё может в другой мир выкинуть. Нет, раз обещал Сталину всё сделать, нужно сделать. Думал, вам тут помогу, вернусь в свой мир и выполню обещание, а тут вон оно как получилось. Ладно, держи свой табельный, патроны я высыпал тебе в карман галифе, там же боёк. Тут влево дорога уходит, километрах в пяти деревню найдёшь, за ней село, там телефон, свяжешься со своими и вызовешь машину. Бывай.

Судоплатов убрал ТТ в кобуру и, подумав, всё же пожал мне руку. Мы вместе вышли из машины, я одним движением кривого стартера запустил движок, вернулся в машину и погнал прочь. Не знаю, как быстро он собирает оружие, но свалить стоит как можно скорее. К тому времени, как оружие собрал и снарядил, стрелять всё равно уже было поздно, так что, думаю, направился он к деревне, куда я указал, а я гнал до самого утра, а потом замаскировал его в кустарнике. Бензин ещё оставался, в машине две канистры имелось, но дальше двигаться на ней – только рисковать. Засветло я успел забраться на платформу с какой-то военной техникой и дальше в сторону фронта покатил с этим эшелоном. Оказалось, это были грузовые автомашины, новенькие ГАЗ. Забравшись в кузов одной из машин, где оказался тюк брезента, я укрылся за ним и вскоре уснул. Всё же сутки бодрствую, почему бы не выспаться, если появляется такая

возможность? Знаю, что рискую, но надеюсь проскочить, с этим эшелоном я экономил изрядно времени.

Один вещмешок под голову, другой под боком, оружие, если что, под рукой – так и уснул.

Эшелон встал у Смоленска, который ещё держался. Меня разбудил шум – началась выгрузка. Подобравшись к заднему борту, я сделал в тенте небольшую щёлку и осмотрелся. Похоже, эшелон загнали на запасной путь, благо тут были эстакады, чтобы сгонять технику. Чем и занималась принимающая сторона. Как я видел, водителей назначали на машины прямо на месте, работали пять опытных шофёров – чтобы технику не побили. Внизу уже выстраивали в ряд и передавали одному из местных автобатов. Посмотрев на часы, я досадливо скривился – время было семь вечера, до наступления темноты оставалось ещё два часа. В темноте проще покинуть машину и затеряться в окрестностях, а пока остается сидеть и ждать.

Мою машину тоже согнали с платформы по эстакаде и поставили в ряд. Всего было пять десятков новеньких «полуторок». На мою машину тучный воентехник второго ранга назначил совсем молодого парнишку. Тот в кузов лишь мельком заглянул, посмотрел на тюк брезента, который за каким-то чёртом находился в кузове – я за ним прятался, – после чего тот стал изучать комплект инструментов да кабину. Другие водители занимались тем же. Тут парнишка окликнул того воентехника и сообщил о брезенте. Тот сразу же заинтересовался, хотя, как я слышал, ещё в трёх машинах были такие же находки – это были тенты для прицепов, но самих прицепов не было. К моей досаде, воентехник лично полез в кузов. А забравшись, замер, глядя в зрачок ствола моего нагана. Ах как не хотелось светиться, но придётся.

– Тихо, не шуми, – прошептал я. – Держи руки на виду. Молодец. Теперь скажи водителю, чтобы проверил машину на ходу, скатался до ближайшего леса. Там мы расстанемся. Если будешь себя вести как я скажу, ещё и подарок заработаешь.

Воентехник хмуро на меня глядел, но всё же приказы выполнял, хотя и заметно нехотя.

– Васильев! Садись в кабину, проверь машину на ходу. Езжай до хозяйства Байбакова.

– Что за хозяйство Байбакова? – сразу насторожился я.

Водитель же в это время запустил двигатель и, хлопнув дверцей, покатил куда-то.

– Ремрота.

– Сколько до неё?

– Пять километров.

– Меняемся местами, садись на тюк, я у заднего борта побуду.

Я перекинул оба сидора к заднему краю, мы разошлись с воентехником разными бортами, тот сел на тюк, как примерный школьник, положив руки на колени, а я – у борта. Мы укатили километра на полтора от станции, местность вроде пустынная, так что я велел воентехнику стучать по борту кузова, чтобы остановили машину. Нехотя тот выполнил приказ. Машина встала.

– Выходим, – держа воентехника на прицеле, скомандовал я и первым покинул кузов. Оружие держал у бедра, чтобы издалека не рассмотрели.

Васильев, выглянувший из кабины, замер. Его лицо начало удивлённо вытягиваться, когда он увидел меня и револьвер.

– Подойди, – приказал я ему.

Водитель, испуганно поглядывая на меня, косился на воентехника, но подошёл. Машина продолжала тарахтеть на холостом ходу. Пришлось пояснить, чтобы глупостей не наделали:

– Мне ваши жизни не нужны, так что расстаёмся. Водитель – Васильев, как я слышал, не ошибся?

– Васильев, – кивнул тот.

– Отвезёшь меня подальше и можешь вернуться. Бензина на сколько хватит?

– Километров на пять, бак пустой, мы привезли в канистрах, но я машину заправить не успел.

– Ясно, – задумчиво ответил я, осматривая окрестности.

С той стороны, откуда мы приехали, просматривались здания железнодорожной станции. Судя по столбам дыма, там было три паровоза. В противоположной от нас стороне виднелась какая-то техника и вроде зенитки. Лучше к ним не приближаться. Главное – добраться до леса, с наступлением темноты я в нем затеряюсь. Пока дорога пуста, я принял решение.

– Оружие есть?

– В кабине винтовка, – махнул на кабину головой Васильев.

Держа их на прицеле, я подошёл к кабине и, достав винтовку, вытащил штык. Примерился к переднему колесу, но, подумав, покосился на Васильева:

– Камеру портить не хочу. Спусти колесо сам.

– Есть, – обрадованно ответил тот – явно возиться с проколом не хотел.

Пока он спускал колесо, я велел военнтехнику достать оружие из кобуры. У него оказался наган, я сам разрядил его и забросил в кузов, мол, достанет. После этого разобрал винтовку, сбросив части в лужу – соберёт сам. После этого достал из кармана золотой мужской перстень и протянул военнтехнику:

– Это за моральные неудобства.

После этого развернулся и побежал прочь. Один вещмешок за спиной – тяжелый, с ценностями, второй в левой руке. Бежал быстро, до опушки с километр было по полю, но уже на половине пути от машины зазвучали выстрелы. Хлопки явно нагану принадлежали. Стрелял военнтехник не в меня, да и дальность

запредельная, просто в воздух, чтобы привлечь внимание. Обернувшись, помахал ему свободной рукой.

Я добрался до леса. Время есть, нужно уйти как можно глубже. Думаю, передовую можно не переходить, скоро немцы, проломив оборону, двинут дальше и оккупируют эти территории. Так оно как-то безопаснее для меня будет. А вообще, стоит подумать и найти подходящее лежбище.

* * *

Вынырнув, отфыркиваясь, я выплюнул загубник трубки и, подняв на лоб маску, осмотрелся. Та же хрень. Разница в том, что уходил из прошлого мира я осенью, в конце сентября, а тут явное лето. Вода теплее стала, это чувствовалось, да яркая зелень кругом.

Рядом всплыл мешок с двумя поплавками. Вообще-то два мешка. Один водонепроницаемый, плотно набитый, второй – обычный армейский сидор с ценностями внутри. Ювелирка из столицы. Это мои личные трофеи, и я собирался их потратить на себя и свою семью. К слову, у меня жена и двое сыновей. С супругой мы давно уже живём как чужие люди, не выдержала она тягот офицерской жены, не разводимся только из-за сыновей, так что под семьей я подразумеваю сыновей. По квартире и машине им куплю, благо возраст подходит: одному шестнадцать, другому тринадцать. Про машины – это я, конечно, загнул, но мотоциклы купить смогу. Один байк и один скутер, пусть порадуются. Кстати, схрон с деньгами и оружием-репликами я вынул, теперь это все в том же мешке. Брал по максимуму. К счастью, портал сработал, и я куда-то переместился. Именно куда-то. Мостков у деревушки и понтонов у границы Брестского района опять нет.

Тут раздался шум авиационных моторов. Посмотрев на знакомую тройку И-16, что пролетели чуть в стороне, я пробормотал:

– Что? Опять?!

Надо сказать, ситуация, в которую я снова попал, меня взбесила, однако головы я не терял и, матерясь, проверил работоспособность портала. Тот, как и ожидалось, не работал. Я стал толкать мешки к берегу. Жаль, лодочка, на

которой я добрался до портала в прошлом мире, там и осталась, с ней удобнее было. Всё те же два часа пути, и я оказался на берегу, там, где к нему вплотную подступал лес. Дальше всё стандартно. Единственное, что одежды теперь при мне не было, кроме гидрокостюма, но я его снял, а потом вместе с вещмешком притопил в болоте, отметив место. Так что при мне были только ТТ и реплика «Макарова» с глушителем да с запасом боеприпасов – по два магазина на ствол. Я был обнажён, только через плечо перекинут ремень с ножом разведчика (второй потерял вместе с камуфляжным костюмом). В общем, собрался я быстро, оружие в руках, магазины сунул в удобный немецкий подсумок, который прицепил рядом с ножнами на ремень, после чего побежал в сторону хутора.

Пока бежал, успел обдумать, что делать дальше. В ближайшее время портал не заработает, так что можно повеселиться, снять напряжение, скинуть злость. Вообще-то, как работает портал, непонятно, он может заработать через пару дней, или через пару месяцев. Так что ждать на месте не стоит, тем более что припасов у меня нет, а на подножном корме долго не проживёшь, поэтому однозначно – хутор. Добуду машину, форму сотрудника НКВД и повеселюсь. Появилась тут одна идея на грани фола, но желание провернуть эту аферу, а по-другому её не назовёшь, толкало на приключения. В конце-то концов, я всегда всё делал строго по правилам (работа с чеченскими бандитами не в счет), можно мне, наконец, совершить хоть что-то безумное? Правда, ранее я этим самым безумием считал экспедицию за Вячеславом в другой мир, но тут совсем другое. В общем, решено: проверну всё, что задумал, вернусь к порталу и попытаюсь всё же пробиться в родной мир. А то я такой правильный, что аж тошнит – как говорила жена, пусть и у меня в жизни будет безумный поступок. Потому что чую, если я его не совершу, буду всю жизнь жалеть об упущенной возможности.

Добрался до хутора, босиком вышло то еще испытание, но сэкономил время, так как уже знал дорогу, и оказался на месте даже раньше, чем в прошлый раз. Когда я вышел к опушке, только начинало темнеть. Намазавшись нужной травкой, я пополз через картофельное поле к ограде. Дальше сработал практически так же, как в прошлый раз. Единственное, после того, как ликвидировал водителя и наблюдателя, сначала добежал до домика, где отправил на тот свет работников, а потом занял позицию в засаде на крыльце. Когда появились старик и майор, сразу атаковал. Майора вырубил ударом по затылку, а старику свернул шею. Лампу, что покатилась по крыльцу, поднял и повесил на крюк. После чего скользнул в дом, где одним ударом убил младшего сына старика. Выяснять мне было нечего, и так знал уже, что где находится. Дальше женщин и детей – под запор в сарай, майора вытряхнул из формы, которую аккуратно свернул и убрал в машину, самого диверсанта связал. Собрал

трофеи, не забыв иголку с ниткой – пригодится форму подшить. Хм, а в доме-то швейная машинка имеется. Сходил к сараю и выяснил, что одна молодуха неплохая швея, и она даже сама вызвалась помочь. Сняла с меня мерки и стала подгонять форму по фигуре. Глядя, как она ловко работает, понял, что это ей не впервой. Чёрт, а обещал за работу в живых оставить. Ладно, пусть живёт тварь.

Документами диверсанта я вполне мог воспользоваться сам. Фальшивка, но очень высокого качества. Оформлены на майора госбезопасности Ковальчука Валерия Андреевича, тот был из Москвы, но имелось направление для работы в Минске. В том числе имелся и партбилет. Я выдрал оттуда фотографию – лица-то у нас разные, а так можно будет пользоваться, в командирском удостоверении фотографии вообще не было.

Пока девица работала, я расколол майора и выяснил, что его цель – проникнуть в столицу и устроиться в республиканское управление НКВД. Документы у него такого качества, что можно проработать с неделю, пока выяснится, что сотрудник он липовый. Задачей майора было блокировать работу управления и наводить боевые группы диверсантов. Как и ожидалось, служил он в первом батальоне полка «Бранденбург-800». В Минске должен был действовать на свой страх и риск, и уже на него, по паролям, будут выходить связники. Дальше я допрашивать не стал, добил и принялся мерить форму. Сапоги мне подошли одного из работников. Отличные сапоги, тоже командирские, советского производства. Нательное бельё и форма сели как влитые, девушка действительно оказалась мастером своего дела. Пусть потратила два часа, но сделала всё высококлассно. Застегнув ремень с наганом в кобуре – я проверил, номер револьвера был вписан в удостоверение, – я убрал в нагрудный карман документы и отвёл девушку обратно в сарай. Раз обещал, пусть живёт.

Трофеи и припасы были уже собраны, так что я покинул хутор и, немного отъехав, встал в лесу. Здесь был схрон, но в прошлый раз я не рискнул им воспользоваться – старшие сыновья старика точно о нём знали. Большую часть трофеев и припасов решил спрятать в тайник. Кстати, его и как укрытие можно использовать. Час потратил на всё, потом заминировал крышку схрона и покатил прочь, но не по той дороге, где меня обстреляли в прошлой реальности, а свернул в сторону Кобрина, до него оставалось километров сорок.

Машина была фактически пуста, из оружия винтовка СВТ, цинк патронов к ней, табельный наган и ТТ в кармане, плюс «макаров» в сидоре с припасами. Продуктов два вещмешка. Ну и две канистры с бензином в крохотном багажнике

«эмки». На этом всё.

Когда я выехал на трассу в сторону Бреста, уже рассвело. Карту нашел в планшетке у липового майора, по ней и ориентировался. Приметив впереди при въезде в деревню пункт досмотра, не стал вставать в очередь, а проехал по обочине. Меня, подняв руку, остановил боец НКВД. Я заглушил двигатель, открыл дверцу и скомандовал:

– Боец, командира поста сюда. Быстро!

– Есть, – козырнул тот, мельком меня осмотрев. При этом как рентгеном прошёлся.

Вскоре подбежал лейтенант. Действительно лейтенант, два кубаря в петлицах. У бойцов и командиров дивизий НКВД воинские звания как у армейцев, не то что у нас в госбезопасности – через задницу: майор, а по армейской табели, считай, на два ранга выше. Так что для бойцов поста мое звание соответствует полковничьему.

– Товарищ майор госбезопасности, старший пункта досмотра лейтенант Северов. Разрешите ваши документы?

Я предъявил, внимательно наблюдая, как тот их изучает. Похоже, проверку я прошёл, потому как документы вернули. Ещё бы, я видел образцы удостоверений этого периода и знал, какие сейчас метки используют. Те, которых в трофейном удостоверении не оказалось, пришлось самому нанести.

Достав из планшетки карту, я расстелил её на капоте:

– Смотри и слушай, лейтенант. Сегодня ночью группа осназа под моим командованием атаковала вот этот польский хутор, где оказалось гнездо немецких диверсантов. Все они были уничтожены, как и мужское население хутора. У меня всего три бойца с командиром. Они ушли преследовать другую группу диверсантов в форме бойцов НКВД – те идут в сторону Лиды. Как удалось выяснить, их задача – уничтожить охрану одного из железнодорожных мостов и не дать подорвать его до подхода своих войск. Да, лейтенант, война начнётся завтра. Это точно. Меня направили в Минск на усиление, но по пути развернули, выдали новые приказы, и вот с прошлого вечера я работаю. Сейчас в Брест, там

передо мной встанет другая задача. А ты передай, чтобы к хутору отправили опергруппу. Не было у меня людей, чтобы оставить там засаду. Возможно, на хуторе уже появились другие диверсанты и старшие сыновья убитого владельца. Пусть там всё внимательно прочешут.

– Понял, товарищ майор госбезопасности. Карта трофейная?

– Глазастый. Именно так. Кстати, на хуторе мои бойцы нашли тайник в доме, там сидор с красноармейскими книжками и командирскими удостоверениями. Бандиты убивали наших и собирали, видимо для отчётности. Прими по описи.

– Есть, – козырнул тот и, крикнув сержанта, приказал забрать у меня вещдоки, а сам убежал к деревне, где, видимо, был телефон.

Передача заняла полчаса, я ещё попросил рапорт отправить по инстанции – быстро его написал на имя начальника Минского управления НКВД, подписался и отдал сержанту – лейтенант ещё не вернулся. Дополнительно я его попросил передать, чтобы усилили охрану мостов.

Дальше сел в машину и погнал в сторону Бреста, до которого километров пятьдесят оставалось. Проехал около сорока, когда приметил в стороне летние лагеря. Судя по противотанковым пушкам, выстроенным в ряд, артиллерийская часть. Множество палаток, бойцы занимаются по расписанию, некоторые направлялись строем в сторону реки – видимо банно-прачечные мероприятия начались. Повернув к ним, я доехал до КПП и не успел остановиться, как ко мне уже подбегал помдежурного по части. Оказалось, тут стоял лагерем стрелковый сто двадцать пятый полк из шестой стрелковой дивизии. Командир полка, майор, был на месте, но похоже, куда-то собирался, и ему готовили машину. Дежурный командир сопроводил меня до палатки, и я попросил собрать командование полка. Когда это было сделано, я сообщил:

– Мне тяжело это вам говорить, товарищи, но завтра Германия нападёт на нас. Информация проверенная. Уже идут приказы вскрывать красные пакеты, но из-за действий немецких диверсантов, что режут связь, информация проходит не всегда. До вас может дойти сообщение о возможной провокации завтра, но провокации не будет, будет война. Я знаю, что за несанкционированное вскрытие пакета полагается расстрел, но в данном случае я напишу распоряжение, разрешающее вскрыть его ровно в полночь с двадцать первого

на двадцать второе июня, если не успеете получить такой приказ от своего командования. Советую быть наготове и ночью занять позиции как положено по планам обороны. Немцы начнут в полчетвёртого утра. На рассвете. А сейчас я вас огорчу. Я заехал вас грабить. Ваш полк мне попался случайно, но мне нужно усиление, поэтому и завернул сюда.

– Ясно, товарищ майор госбезопасности, – кивнул комполка, тот явно был не рад, что в преддверии войны его пытаются ослабить. – Что именно хотите у нас позаимствовать?

– Пулемётную роту полного штата с опытным командиром. Отделение бойцов разведвзвода. Грузовики для роты и отделения, пару машин для боеприпасов и две зенитки на автомашинах. Я видел, у вас такие есть. И учтите, роту обратно вы не получите.

– Товарищ майор госбезопасности!.. – с возмущением начал комполка, пришлось объяснить:

– Это не значит, что я её просто не верну. Война начнётся – неразбериха, найти вас будет сложно. Я постараюсь, но уверенности у меня нет. Да и задачи у роты будут серьёзные, работы предстоит много. Кстати, у вас есть ДШК на пехотных станках?

– Нет, – ответил тот.

Не знаю, правду мне говорил майор или нет, но давать роту не хотел категорически, однако приказ был вынужден исполнять. Начали готовить эту роту и грузовики, хотя в полку их всего четыре десятка стояло, больше было телег и лошадей. Выделили запас топлива и боеприпасы, сухпая на три дня, ну и меня покормили. Время уже полдвенадцатого, так что я вместе с командирами и пообедал.

А пока суд да дело, я приметил полевые кухни и одну отжал вместе с поваром и машиной. На всё оформил документы у начштаба полка, поставив свои росписи. Бюрократия она такая бюрократия. Правда, выделить продовольствие комполка отказался, мол, у них самих запасы невеликие, но тут рядом есть корпусные склады, можно заглянуть туда. Зенитный взвод я тоже получил. Ну и познакомился с командирами. Ротой командовал старший лейтенант Окунев,

похоже, действительно опытный командир – воевал в Финскую, награждён медалью «За отвагу». Зенитками командовал младший лейтенант Гаврилов, а отделением разведки – сержант Баринов. Выстроив личный состав и сообщив, что их уже сегодня ждёт первый бой – пусть морально готовятся, велел грузиться в машины, после чего сам возглавил колонну.

Всего было пятнадцать грузовиков. На двух перевозили зенитки, ещё на двух везли боеприпасы и пять бочек с бензином, одна буксировала полевую армейскую кухню, на остальных разместились пулемётная рота со всем вооружением и отделение разведки. Я приметил, что в некоторые грузовики бойцы грузили ящики с патронами – значит, командир опытный. Даже ленты и диски к пулемётам снарядить успели. Всего же в составе роты было двенадцать станковых пулемётов «Максим» и восемь ручных пулемётов Дегтярёва. Личный состав насчитывал сто тридцать шесть бойцов и командиров. Солидное подразделение. Моя машина, что возглавляла колонну, была шестнадцатой. За рулём по-прежнему я находился – водителя в Бресте планировал найти. Порядок движения был такой: первым я, за мной машина с разведчиками, потом с зениткой – там Гаврилов в кабине сидел, – потом машины роты и обеспечения, а замыкала колонну вторая зенитка. Приказ зениткам был поставлен на любую стрельбу в нашу сторону открывать плотный прицельный ответный огонь. Так что шли по-боевому, и открыть огонь зенитчики могли в любой момент, бойцы тоже были готовы. Пулемёты пока чехлами накрыты от дорожной пыли – их время ещё придёт.

Доехали до корпусных складов, где я выбил продовольствия. Его загрузили в машину с кухней, и повар сразу начал подготовку к ужину, часть продовольствия по машинам разгрузили, этим ротный старшина занимался. Тут я приметил другие склады и уточнил у интенданта, что там, – он как раз наряды закончил заполнять.

– Так это трофейные склады. От польской армии остались.

– Отлично. Кто ими заведует?

– У меня на балансе.

– Вообще замечательно. Мне нужны польские противотанковые ружья в количестве десяти единиц и патронов по двести штук на ствол.

– Ружья были, – устало вздохнул тот. – Идёмте, выдам.

Шесть ружей я сразу отдал в роту, чтобы в каждом взводе было по два противотанкиста, и одно разведчикам. Остальные в запас. Ротный уже выделил бойцов, и те изучали незнакомое оружие. Ну, и мы, вернувшись на трассу, покатили к Бресту.

Благополучно проехав пост на въезде в город – нас даже не остановили, – я уточнил у прохожего, где находится местное управление НКВД, и подрулил прямо к зданию. Колонна грузовиков, что так и следовала за мной, припарковалась по краю дороги. Я же остановился у входа в управление. Заглушив двигатель, оставил машину и, поправляя на ходу форму, быстрым шагом прошёл в здание. Козырнув дежурному, протянул документы, чтобы он внёс меня в журнал учёта, и уточнил:

– Начальник управления у себя?

– Нет, товарищ майор госбезопасности. Отбыл по служебным делам. Будет завтра.

– Зам?

– Да, старший лейтенант Осоловец на месте.

– Отлично. Тогда проводите меня к нему и вызовите всех имеющихся в наличии сотрудников. Из отпусков тоже отзывайте.

– Товарищ майор?..

– Да, сержант, завтра начнётся. Мы уже опаздываем. Всех сотрудников, что находятся в управлении, направьте к кабинету Осоловца.

– Есть.

Замом начальника управления оказался светловолосый невысокий крепыш, что встал из-за стола и подошёл, козырнув. Я сказал, чтобы без чинов, пожал тому руку и, положив фуражку на стол, спросил:

– Вам уже сообщили о бандитском хуторе и возможном захвате двух мостов стратегического назначения?

– Да, информация в сводке прошла. Насколько я в курсе, к хутору ушла опергруппа из Волковыска. А по мостам работают части дивизии НКВД. Туда уже вышли усиленные бронетехникой группы.

– Отлично. Значит, слушай новую вводную, – расстелив свою трофейную карту на столе, начал я.

В это время дверь в кабинет открылась, и к нам начали подтягиваться сотрудники, всего набралось семеро. Быстро осмотрев их, я расправил углы карты и выпрямился.

– Знаете, когда меня два дня назад вызвали в управление в Москве и я выслушал приказ от товарища Берии, то был направлен в Минское управление, однако по прилёте получил новую задачу, машину, группу бойцов осназа и занялся другим делом – работой на земле. Перед самым вылетом я узнал одну интересную вещь. Оказывается, у немцев существуют диверсионные подразделения, обозначенные как инженерно-строительные батальоны: «Бранденбург-800» и «Нахтигаль». В прошлом году «Бранденбург» был переформирован в полк. Что интересно, в одном из батальонов оказался наш разведчик, он смог скопировать архивы, в том числе фотографии военнослужащих полка. Архив уже в Москве, и я успел изучить его – уровень допуска позволял. Интересная информация, не так ли, обер-ефрейтор Паулаускас?

Тут мне пришлось резким ударом отбивать нож, он отлетел и, звякнув о стену, упал на пол, а я уже пробил диверсу в форме лейтенанта госбезопасности в живот коленом, потом схватил его голову обеими руками и ударил лицом о столешницу. Дальше уже другие сотрудники не сплоховали, и скрутили того, после чего вынесли на руках. Осоловец приказал начать допрос выявленного агента.

– Спасибо, товарищ майор, а то пригрели суку на груди. Он у нас уже три дня… Чёрт, он же не один был, второй, лейтенант Павлов, уехал с начальником управления.

Тот снял трубку, вызвал дежурного и велел связаться с селом, куда уехал начальник управления, передать приказ задержать вышеназванного сотрудника, который оказался диверсантом. Пока не положили трубку, я озвучил свою просьбу:

– Мне водитель на машину нужен. Моего ранили, в госпиталь увезли, сам за рулём езжу.

– Сделаем, – кивнул тот и, передав приказ, повесил трубку.

После этого сотрудники вновь сосредоточились вокруг стола, изучая мою карту, некоторые свои из планшеток достали, и я принялся вводить их в курс дела:

– Вернёмся к диверсионным полку и батальону. В их ротах служат литовцы, украинцы, националисты и другая шваль. Все отлично говорят на русском языке. Многие служили в Красной Армии. Их уже забросили на нашу территорию, и они начали действовать. Завтра, двадцать второго июня, в полчетвёртого утра громыхнёт, начнётся война, и нам нужно успеть многое. Вот эти четыре приграничные моста захвачены точно. Охрана уничтожена. Вот эти пять мостов и вот эти два объекта стратегического назначения немцы планируют захватить ночью, усильте там охрану, устройте засады. В этих трёх местах ночью будут высажены с воздуха десанты, нужно устроить засады. Задействуйте для всех операций не только подразделения дивизии НКВД, но и армейские части. Если нужен приказ, оформите, я подпишу, и с генералами поговорю, если нужно. Дело серьёзное. Далее, оформите приказ об эвакуации семей командиров Красной Армии и НКВД. Нужно уже сейчас подать дополнительные составы, вплоть до теплушек, и отправить их глубоко в тыл. Также эвакуировать граждан и специалистов разных производств. Что делать на случай начала войны, вы и сами знаете. Начинайте. Помните, даже минута может повлиять на то, успеете ли вы вывезти родных и близких. Всю ночь должна идти эвакуация. И да, у меня хватает полномочий отдать приказ о ней. Пока соедините меня со штабом двадцать восьмого стрелкового корпуса. Теперь что касается Бреста и крепости. Войска из крепости нужно выводить немедленно. Иначе они окажутся в ловушке, но об этом я поговорю с командиром корпуса. По диверсантам в городе. Где-то в пять часов вечера на железнодорожном вокзале появится группа пограничников, всего около тридцати человек, они собираются отбыть служебным эшелоном в Высокое. Согласно информации, полученной от пленного офицера батальона «Бранденбург», это диверсанты, два отделения под командованием лейтенанта Ланке. Выделите группу для их ликвидации. В плен

брать не нужно, если только парочку для допроса. Их на нашу землю никто не звал. И теперь самое важное: сегодня днём, час назад, с территории немцев прибыл грузовой поезд, якобы со станками. Заявка на них действительно была, поэтому внимания поезд к себе не привлёк. Его отогнали на запасной путь и поставили в очередь на отправку. Думаю, тут поспособствовали пособники немцев, его могли раньше отправить. В вагонах находятся диверсанты, около трёхсот, все одеты в форму НКВД. Сказать по правде, диверсантов там десяток, они охраняют вагоны от любопытных или случайных свидетелей – берут их по-простому на нож; остальные немцы – из линейного пехотного батальона. Под утро их выпустят. Задача – захват важных объектов, уничтожение правительственных зданий, включая ваше управление НКВД. Блокирование оказания помощи, уничтожение небольших подразделений РККА и НКВД. В общем, их цель состоит в обеспечении немецкими войсками бескровного захвата города и важных объектов. Стоит учесть, что немалая часть горожан их поддерживает и будет стрелять нам в спину. Миндальничать не стоит, заниматься арестами – тоже. На огонь отвечать огнем, закидывать гранатами. Лжепограничниками на вокзале займётесь сами, а вот немцев в грузовом поезде беру на себя.

На этом я закончил, и командиры отбыли, у них было ну очень много работы. Тут позвонили из Минского управления НКВД. Причём знакомый сотрудник, в позапрошлом мире познакомились, так что я пообщался с ним, заявив, что нас познакомили в Москве, где я ещё капитаном госбезопасности был. Предоставил ему некоторую информацию узкого спектра, о которой знало мало людей, чем подтвердил, что я свой. Не успел положить трубку, как другой абонент вызвал на связь – меня же прямо из кабинета Осоловца связали с командиром стрелкового корпуса, благо тот был на месте. Пришлось надавить, тот отказался выполнять мои приказы. Причём прямо сказал ему, что у меня имеется прямое распоряжение товарища Сталина снимать командиров, вплоть до командующих армиями. Всё же он оставил последнее слово за собой: приказ выполнит, но вышлет ко мне командира из оперативного отдела штаба, чтобы я письменно оформил распоряжения, ну и сообщит о них выше по инстанции. Да на здоровье. Эх, а хорошо всё же, что я отлично знаю, что тут происходило. Один из сотрудников НКВД – сейчас это обычный особист в одной из дивизий – воевал тут и многое рассказал мне про первые дни войны. По его информации и действую.

Выйдя из помещения, я отправил роту на окраину города, пусть пока там ожидают. У дежурного меня ждал молоденький боец в форме НКВД, с карабином за спиной, это мой водитель, так что я велел ему принимать технику и, пока тот осматривал «эмку» и, подняв капот, изучал мотор, я вернулся в управление.

Вскоре прибыл майор из штаба корпуса. Быстро они среагировали, видимо приказы на бумаге уже были готовы, но никто не решался дать им ход. Гражданское население и семьи РККА начнут эвакуировать немедленно, а вот войска поведут на позиции только с наступлением темноты. С ним был полковой комиссар, который всё выспрашивал и уточнял по началу войны. После того как подписи были поставлены и скреплены печатями, которые я взял у дежурного на посту, они отбыли, да и я стал прощаться. Пожал руку Осоловцу:

– Надеюсь, ещё свидимся. У меня большие планы на завтрашнее утро.

– Товарищ майор, может, возьмёте моего сотрудника в помощь?

Он указал на молодого сержанта госбезопасности, что стоял в сторонке. Осмотрев его, я кивнул:

– Почему бы и нет? Сержант, в машину. Кстати, старлей, что там с твоим начальником? Вроде информация по нему была в сводке.

– Убит, а Павлов исчез. Оказалось, моё сообщение через него прошло, не доглядели. Уже начаты поиски.

– Ясно. Принимай дела, работай. Удачи. Она нам всем пригодится.

Осоловец пошёл узнавать, что ещё сообщил диверсант, взятый у них в здании, допрос продолжался, я же, покинув управление, сел в машину на заднее сиденье, сержант и водитель впереди, и мы покатили к пулемётной роте. Водитель знал, куда ехать.

Бойцы кто отдыхал, кто оружие чистил, противотанковые ружья изучали, но с нашим приездом ротный собрал их. Снова используя капот «эмки» – не самый удобный столик, но что делать, – я расстелил карту города, которую мне выдали в управлении НКВД, и стал ставить задачи командирам роты:

– Значит, так, тут на запасном пути железнодорожного вокзала стоит грузовой поезд. В нём немецкие диверсанты, триста солдат с офицерами. Одеты в форму НКВД. Наша задача – их уничтожение. Ротный, подгоняешь машины так, чтобы задки грузовиков смотрели на вагоны, дистанция в сто метров, думаю, будет

подходящей. Одновременно другие бойцы покидают машины с правых и левых бортов, расчёты ручных пулемётов занимают позиции рядом с машинами, потом падают задние борта, и расчёты из станковых пулемётов открывают огонь по вагонам прямо из кузовов. Когда станковые пулемёты расстреляют ленты, начинают вести огонь ручные пулемёты, пока идёт перезарядка у «максимов». Думаю, трёх лент хватит, чтобы уничтожить диверсантов. Зенитные пулемёты тоже участвуют в этом деле, отдаю их под ваше командование. Ещё у поезда должна быть охрана, которая уничтожает любопытных или свидетелей и прячет тела поблизости, они могут быть одеты в армейскую форму или в форму НКВД. На подъезде присмотрись, если увидишь где неизвестную группу, держи их на прицеле. Если по нам огонь откроют, уничтожай без сомнений. Вот что, ротный, командуешь этой операцией ты. Уничтожить можно всех. Если пленные будут, конечно, неплохо, но мне враги на нашей земле не нужны, их сюда никто не звал. Времени у нас около часа, пока потренируетесь одновременно выезжать, разворачиваться и готовиться к открытию огня. Чтобы каждый командир, боец и водитель знал свои действия. Помните, нужно, чтобы всё проходило быстро и немцы ничего не поняли и не успели отреагировать. Всё, приступайте к тренировкам.

– Есть, – козырнул ротный и, забрав командиров, стал командовать.

Наблюдая, как они действуют, и иногда давая советы для ускорения будущей операции, я приметил, как на дороге остановилась «полуторка». Из нее вылез политрук и побежал к нам, придерживая планшетку, а машина двинула дальше к городу. За спиной у него был полный сидор. Вообще-то мы находились не более чем в полукилометре от дороги Брест – Кобрин, на которой движение довольно серьёзное. Сержант, которого ко мне приставили, выполнял работу особиста подразделения, поэтому направился на перехват, узнать, кто это такой.

Тут ротный забеспокоился и остановил сержанта. Оказалось, это его ротный политрук, который вернулся после пары дней отгулов. А тут узнал, что его роту забрали, выяснил, что уехали мы в сторону Бреста, и решил нагнать на попутке, удачно рассмотрел нас на лугу. Его ввели в курс дела, и он присоединился к наблюдению за тренировками. Когда подошло время, я оставил на лугу обе машины обеспечения и ту, что с кухней, остальные, выстраиваясь в колонну, выезжали следом за мной на дорогу, и мы покатили к вокзалу. Карту города я изучил и вывел колонну к станции довольно быстро.

На вокзале и на перроне толпился народ. Молодцы, быстро эвакуацию организовали, уже первый пассажирский состав подали, на очереди обычный грузовой был. Видимо, мои слова, что даже в них можно вывозить, приняли к сведенью.

У здания вокзала я приметил два грузовика с бойцами НКВД, ещё несколько присматривали за тупиком. Так и знал, что Осоловец состав с диверсантами без внимания не оставит. Старшим там был один из командиров, которых я видел в кабинете у Осоловца. Он внимательным взглядом провожал мою колонну. Меня тоже опознал.

Мы проехали переезд, и я пронаблюдал, как манёвренный паровоз подаёт вагоны, формируя состав. Наша «эмка» встала, у меня в машине кроме сержанта был ещё и политрук, а колонна прошла дальше. Двигалась она в том же порядке, что и раньше: впереди и замыкающей зенитки, между ними грузовики роты. Рядом с моей легковой машиной встала «полуторка» с разведчиками. Их задача меня охранять и выбивать охрану состава.

Выглядело всё красиво, колонна резко, практически синхронно приняла влево, сразу остановившись, бойцы попрыгали из кузовов, и упали задние борта. Однако всё же первыми открыли огонь немцы. Не из состава, а из охраны. В стороне у костра несколько бойцов НКВД при командире отдыхали, оттуда и раздались первые выстрелы. Один боец как будто споткнулся и повис на борту машины, но зенитчики сразу открыли ответный огонь и вмиг из четырёх стволов уничтожили стрелявших. Пока некоторые занимались раненым, станковые пулемёты уже успели выпустить по пол-ленты, дырявя вагоны. Я посчитал, их было девять. Открыв дверь, я вышел из машины, внимательно наблюдая за расстрелом железнодорожного состава. Вот у двух вагонов сидельцы открыли створки, трое выпали наружу, пробитые пулями, ещё некоторые повисли, свесив головы, но с десяток выпрыгнули, стреляя в сторону грузовиков. Да только по выстрелу и успели сделать, как их смело огнём. Станковые уже перезаряжались, так что на этот раз ручники постарались. Даже пулемётчик из отделения разведки, поставив сошки на крышу кабины, один диск выпустить успел и сейчас спешно перезаряжался. Бойцы, заняв позиции вокруг наших машин, внимательно поглядывали по сторонам. Тут «максимы» снова заговорили, а я вопросительно посмотрел на политрука. Тот тронул меня за рукав.

– Сзади, товарищ майор госбезопасности, – с некоторым трудом среди грохота очередей расслышал я.

Обернувшись, я увидел те два грузовика, что стояли ранее на площади у вокзала, с бойцами НКВД в кузове.

– Свои, – успокоил я его.

Как только грузовики встали у наших машин, бойцы посыпались из кузовов, а лейтенант, что ими командовал, подбежав, козырнул.

– Товарищ майор госбезопасности, зачем?!

На этот крик души я ответил достаточно прохладным тоном:

– Их сюда никто не звал. Сейчас пулемётчики выпустят третью ленту, и мы сворачиваемся, уходим. Дальше работайте самостоятельно. Осмотрите вагоны, арестуете выживших, добьёте раненых. Уверен, что таковые будут, поганое семя везде выживет. Всё ясно?

– Да, – кивнул тот.

Не нравится мне местный устав, все эти «да», «есть» и «нет», а я привык к «так точно» и «никак нет».

Когда пулемётчики закончили, а зенитчики на ходу перезаражали свои машинки, бойцы НКВД, уже выстроившиеся в цепь, направились к составу, несколько пулемётчиков с ДП страховали своих. Дальше их работа, я вмешиваться не собирался. А ко мне подбежал ротный и, козырнув, стал докладывать, а мы с политруком и сержантом внимательно слушали. Ротный доложился по расходу боеприпасов и перешёл к докладу по потерям.

– Один боец убит, трое раненых. Санинструктор их уже перевязал. Пулей противника повреждён мотор одного из грузовиков. Это всё.

– Обошлись малой кровью, – подвел я итог. – В вагонах отборные солдаты были. Товарищи командиры, хвалю за отлично выполненную операцию по уничтожению врагов нашей Родины. А теперь грузимся в машины и покидаем город.

Сразу покидать город мы не стали, на вокзале толпился испуганный близкой стрельбой народ, который косился в нашу сторону, стояла цепь из милиционеров, что внимательно нас рассматривали. Погрузка пассажиров в поезд уже заканчивалась, я это приметил и велел остановить машину. Колонна встала.

Открыв дверцу, я направился к милиционерам и попросил вызвать коменданта станции, заодно ротного подозвал и приказал подготовить раненых к транспортировке. То есть перенести в один из вагонов. А когда подбежал капитан, военный комендант станции, приказал ему принять трёх раненых и отправить в Минск в госпиталь. Должны дождаться помощи врачей. Толпившийся народ наблюдал, как одного раненого несли на носилках, он без сознания был, и двоих под руки вели: обнажённые торсы, окровавленные бинты. К счастью, в поезде нашлись медики, они присмотрят за ранеными до прибытия в столицу Белоруссии, так что не пришлось с ними санинструктора отправлять. Надеюсь, потом их дальше в тыл отправят.

На выезде из города мы забрали машины обеспечения и кухню и вернулись в расположение полка, где я роту позаимствовал. Последовал приказ приступить к ужину – он уже готов был. Комполка не было, я пообщался с начштаба. Тот хмурился – погибшего бойца уже похоронили со всеми воинскими почестями, – но повреждённую машину принял, взамен выдав мне другую. Я попросил его написать наградные на участников операции, для раненых на медаль «За отвагу», ротного и погибшего – о представлении к Красной Звезде. Капитан оформил и завизировал их. После этого я выбил у него ещё четыре грузовика и миномётный взвод с полковыми миномётами. Их четыре в полку оказалось, целая батарея. Ну и по два боекомплекта на каждое орудие.

Бойцы и оружие за это время почистить успели. У машин пулемётной роты толпились красноармейцы из других подразделений, выпытывая, где те пострелять успели. А я молчать приказа не давал. Особенно жутко было слушать о ручьях крови, что текли из вагонов – от этих воспоминаний у многих пулемётчиков пропал аппетит. Помнится, что-то такое и я видел, так что не брешут.

Когда ротный написал рапорт на имя командира своего полка, я, забрав всё те же подразделения, покинул расположение роты. Между делом познакомился с командиром миномётного взвода, лейтенантом Гиреевым, дагестанцем оказался. Вроде специалист справный.

Двигались мы вдоль границы, и вскоре въехали на лесную дорогу. В этот раз изменили состав колонны. Впереди шла «полуторка» с разведчиками, потом машина с зениткой, за ними моя «эмка», ну и остальные машины. Бойцам я приказал быть внимательными, и они, сжимая в руках винтовки, поглядывали вокруг. Мы проехали мимо двух хуторов, там для пригляда я оставил по разведчику – как стемнеет, догонят нас и сообщат, что видели.

Мы остановились на опушке у луга, неподалеку от Буга и пограничной заставы. Ротному я приказал незаметно оборудовать пулемётные позиции, чтобы поддержать наших. А для стрельбы лежа хватит и окопов, полнопрофильные не требуется. Пока бойцы, матерясь, орудовали лопатками, а разведчики следили, чтобы их не засекли, да наш тыл охраняли, водители развернули на дороге машины и понесли к позициям цинки с патронами.

Конечно же, пограничники засекли возню у себя в тылу, так что вскоре командир разведотделения сообщил, что к нам направляются пятеро со старшиной во главе. Когда они добрались до наших позиций, те были почти готовы, уже дёрном маскировали окопы. Пообщались с ротным и политруком, и последний сопроводил их ко мне.

– Старшина Буров, товарищ майор госбезопасности, – козырнув, представился старшина. – Меня послал командир заставы, узнать, что тут происходит.

С интересом глянув на однофамильца – не, не родственник, мои на Южном фронте воевали, а один на Северном, – я ответил:

– Завтра рано утром начнётся война. Вижу, для тебя, старшина, это не новость. Мы поддержим вас пулемётным огнём. Выманите немцев на луг, тут им укрыться негде, и уничтожим. Командиру скажи, что я приказал ему сюда прибыть, обговорим моменты совместной обороны. И ещё, пройдём со мной, подарок сделаю.

Водитель грузовика обеспечения достал из ящика одно польское противотанковое ружьё и пятьдесят патронов к нему. Раз своих нет, приходится трофеями пользоваться.

– Держи, – протянул я старшине ружьё. – Хоть какие-то противотанковые средства на заставе будут. А теперь свободен. Как стемнеет, пусть командир подходит.

Командир заставы подошёл в полдесятого, с ним политрук и два бойца охраны. Часовой вызвал дежурного, который и сопроводил их уже ко мне. У «эмки», в которой спал водитель – большая часть бойцов уже отбыли ко сну, отбой я объявил в девять, чтобы все выспаться успели, – стояла палатка, которую я позаимствовал у хуторян. Палатка четырёхместная, ложе подготовлено, но я не торопился ложиться. Ротный политрук ушёл к своим, со мной только сержант госбезопасности остался, он и будет моим соседом. Я пригласил пограничников за машину, где был сбит стол из двух бортов с грузовика, – потом их вернут на место.

– Вызовете командира пулемётной роты, командиров миномётного и зенитного взводов, – приказал я посыльному.

Пока тот бегал, я познакомился с пограничниками и указал на уже расстеленную карту.

– Давайте изучим, что нам утром предстоит сделать. Я выскажу свои мысли и предложения, ваша задача найти в них огрехи. – Тут подошли вызванные командиры, так что я продолжил: – Значит, каковы будут действия немцев. Завтра на рассвете ударом артиллерии они уничтожат строения заставы, по плану похоронив основной ее состав, после чего перенесут огонь на подразделения, что должны вас поддержать в случае начала войны. Дальше на лодках переправится рота пехоты, задача которой – выискивать и уничтожать уцелевшие пограничные наряды. Благодаря удобным спускам с обеих сторон и наличию дороги, немцы планируют построить понтонный мост и перевести в этом районе танковый полк и пехотную дивизию в первой линии, за ними пойдут дивизии второй линии, артиллерия, ну и тыловые части. Именно из-за понтонного моста, наличие которого принесёт много неприятностей для наших войск, я и выбрал тут встретить начало войны. Как видите, планы немецкого командования мне известны. Теперь слушайте, что я решил по противодействию. Если будут замечания, скажете после того, как я закончу. Воевать в основном вам, так что конструктивные предложения или критику готов выслушать. План такой. В полночь пограничники покидают заставу и занимают окопы, которые, как мне сообщили разведчики, у вас подготовлены и хорошо замаскированы. После начала войны бой ведут только наряды, застава

молчит, потому как после артналёта якобы уничтожена. Немецкая пехотная рота на лодках переправится на наш берег. Основная их задача – обеспечить безопасность развёртывания моста, так что они займут оборону на берегу. Думаю, не больше одного взвода направят осматривать развалины заставы и выискивать уцелевшие наряды. Себя не обнаруживать, не демаскировать позиции. Наша задача – это понтоны, и пока их не спустят на воду, открывать огонь я запрещаю. Первый выстрел с нашей стороны сделают миномётчики по мосту, именно им ставится задача уничтожения понтонов, думаю, ваши «подносы», лейтенант, с этим справятся.

– Подносы, товарищ майор госбезопасности? – с некоторым удивлением спросил лейтенант-миномётчик.

– Это общее прозвище миномётов. – Я быстро продолжил, пока командиры молчали: – Открытие огня миномётчиками будет сигналом для остальных. А именно – пограничникам, которые обстреляют тот взвод, что будет заниматься поиском. Немцы направят роту на помощь, наша задача – выманить их на луг, желательно чтобы видели, как пограничники отступают с позиций, думаю, это и их спровоцирует на преследование. Тут уже начнут работу расчёты пулемётной роты, которые уничтожат немецкую роту. Да, после того как немцы будут уничтожены, обе зенитки стоит выгнать на опушку и открыть огонь по вражескому берегу. Думаю, там столпится немалое количество противника, расстояние до них полтора километра, добить должны. Выпустят боезапас и укроются в лесу. На этом всё. Миномётчики, уничтожив мост, поработают по противоположному берегу, после этого – сворачиваются для отхода. После выполнения этой операции мы уйдем, наша задача тут будет выполнена, и смысла задерживаться я не вижу. Да, лейтенант, как быстро немецкие артиллеристы обнаружат позиции ваших миномётов и накроют их?

– Думаю, достаточно быстро, товарищ майор госбезопасности, – уверенно ответил тот.

– Я тоже так думаю. А если накроют вас, то и нам достанется. Я отправил разведчиков пробежаться вокруг, и они обнаружили несколько полян, к одной так даже на машинах проехать можно. Сейчас вам выделят проводника, готовьте там позиции. На дереве наблюдательный пункт устройте. Телефонные аппараты у вас есть, если провода не хватит, возьмёте у нас. Советую сразу после уничтожения моста сворачиваться, иначе накроют. Всё, берите разведчиков и приступайте к оборудованию позиций, мины готовьте.

– Есть, – козырнул тот. – Разрешите идти?

– Свободны.

Прихватив командира отделения разведки, миномётчик ушёл, а я обратился к пограничнику:

– Старлей, у вас на заставе машины есть?

– «Полуторка» разъездная и три телеги, шесть лошадей, да ещё четыре верховых.

– Отлично. А гражданские? Семьи?

– Тоже имеются, товарищ майор госбезопасности. У меня жена с сыном, у зама супруга на сносях, первенца ждут, у политрука жена и двое детей. Ещё у старшины жена и тоже двое детей.

– Плохо, но терпимо. Значит, так, семьи в грузовик со всем скарбом, обеспечьте их всем для походной жизни не меньше чем на неделю. Машину перегоните сюда. Завтра доведём до трассы и отправим в тыл. В одиночку отправлять да ещё ночью опасно, бандитов много развелось. Хотя тут, должен признать, куда меньше, чем на Украине, там с этим совсем бедствие. В телеги грузите продовольствие, боеприпасы и медикаменты, их с лошадьми сюда, хоть переживут обстрел. И вот еще что. Мы, старлей, уедем, а у вас особое задание: диверсионная деятельность на оккупированных территориях. Двигаясь следом за нашими отступающими войсками – не смотрите на меня так, именно так и будет, – будете наносить максимальный урон противнику. Я понимаю, что у вас нет опыта, но он есть у меня. Завтра перед отъездом я передам вам свои записи. По ним и будете действовать. А пока готов выслушать замечания или предложения.

Как замечания, так и предложения у командиров были, но всё по рабочим вопросам, мы их решили за полчаса. Потом разошлись. Все приказы отданы, ожидаем утра. Я прогулялся в сопровождении сержанта – тот изображал моего охранника, – посмотрел, как миномётчики устроились – в трёхстах метрах от опушки и в двухстах от лесной дороги, вроде рядом, но и не с нами. Если только

шальной снаряд к нам прилетит, чего тоже исключать нельзя. Выкопали уже небольшие окопы и выложили брустверы из земли и дёрна, установили в них миномёты, и сейчас снаряжали их. Командир взвода готовил пункт корректировки. Как я понял, он сам будет вести огонь. Связисты уже линию прокинули, проверяли качество связи с позициями орудий. Все четыре грузовика миномётчиков были уже укрыты на опушке. Для срочной эвакуации с позиций всё готово.

Тут и от погранцов грузовик с семьями подъехал, его в общую колонну поставили, а женщинам и детям выделили место для сна на обочине. За ними телеги прибыли с конями. Верховые были уже осёдланы. Телеги перегружены припасами и медикаментами, похоже, старлей сложил на них всё что мог. Им тоже выделили место и включили в зону охраны, возницы под телегами устроились. Сам я лёг только в полночь.

Подъём прозвучал в три часа утра, как я и приказал. Вокруг слышались шорохи, редкие матерки, звучали команды, бойцы поднимались и устраивались на позициях. Водитель «эмки» сворачивал палатку, чтобы убрать её в машину. Да и повсюду вокруг шли сборы. Уже определились, сколько боезапаса будет потрачено, так что часть ящиков с цинками отнесли обратно к машинам обеспечения.

Повар успел воды вскипятить в котлах и уже разливал чай. Завтрак будет позже, пока к чаю лишь кусок хлеба с повидлом. Лёгкий перекус окончательно нас пробудил и взбодрил, и сразу раздался гул множества авиационных моторов: в светлеющем небе появились точки вражеских бомбардировщиков, – и загрохотала артиллерия. Наблюдая, как строения заставы разносят в пыль, я лишь довольно кивнул: всё идёт по плану. В намеченных мной развлечениях в этом мире эта операция с уничтожением понтонного моста была завершающим штрихом. Но, чёрт, почему не продолжить, раз есть желание и силы? Вот стою, наблюдаю за разрывами вражеских снарядов, и прикидываю… Ладно, потом решу, а сейчас команды розданы, роли распределены, начинаем игру. Нужно заставить немцев поверить, что застава уничтожена и опасаться им тут нечего. На опушке приняты просто драконовские меры безопасности. Телеги и грузовик пограничников отправлены чуть дальше по дороге, чтобы не мешались, возницы вооружены, будут на охране.

Ещё не успели упасть последние снаряды на заставу, как немцы на лодках уже пересекли середину реки, а это государственная граница, и по ним ударили ручные пулемёты нескольких уцелевших нарядов. Я предупредил старлея, что стрелять лучше по лодкам, они надувные, и тяжело нагруженные солдаты камнем пойдут на дно. А молодцы парни, они там чуть ли не взвод утопили. Лишь немногие немцы, сбросив всё тяжёлое с себя, включая оружие, смогли выбраться на берег. Были они мокрые и жутко злые. Один взвод окапывался на нашем берегу, устанавливал пулемёты и помогал выжившим, а третий довольно шустро стал прочёсывать берег, выдавливая наряды в сторону заставы. Пока всё идёт как надо. Наряды, не обнаруживая укрытую в окопах заставу, смогли уйти в лес, чуть позже присоединились к нам. Двух раненых передали санинструктору. Пограничников я отправил к телегам, их трое выжило, пусть усилят охрану своего обоза. Нам они без надобности.

Артиллерия и гаубицы у немцев всё били и били, в тылу у нас вставал дым пожарищ. Целили по разведанным координатам, и там гибли наши. А взвод немцев, изучив развалины, направился к берегу. А там, радуя мой взор, уже суетились немецкие сапёры, спускались тягачи, трактор, два крана было, грузовики с понтонами, и довольно шустро начали возводить мост. Ширина реки в том месте едва ли сто метров, так что справиться должны быстро. И верно, уже через час понтоны был состыкованы, с нашей стороны вбиты сваи, и мост был готов. Это и было сигналом для миномётчиков. Как только на мост въедет первая единица техники, они должны открыть огонь. Они и открыли. Два хлопка, и по бокам от моста, по которому двигался «Ганомаг», встали два высоких водяных столба. Промах. Хотя я бы сказал, что практически накрытие. Да такое, что мост «заиграл», и бронетранспортёр скользнул в воду, нырнул в середине реки. А миномёты зачастили выстрелами. Наблюдавший в бинокль неподалёку командир пулемётной роты, радостно воскликнул, довольный результатами стрельбы. Вскоре мост разорвался посередине и стал расходиться под давлением течения. Однако корректировщик не прекратил ведение огня и накрыл понтоны, привязанные к берегу противника. Потом и по нашему берегу прошёлся. Да ещё по позициям пехотной роты, тоже заставил их побегать. Укрытий-то у них нет. Ну и по тому берегу. Загорелась техника, крупным огненным облаком сдетонировала машина с бензином, горело хорошо. На этом всё, миномётчики выполнили свою задачу и сейчас должны спешно грузиться в машины, чтобы встать в строй колонны. Судя по разрывам в лесу в стороне поляны, немцы таки вычислили их позицию и пытаются накрыть. Надеюсь, парни успели. Все-таки неприятно быстро немцы среагировали.

Разозлённые пехотинцы, когда их собрали, а осталось чуть больше взвода, выстроившись в цепь, побежали к лесу. Старлей молодец, понял, что играть немцев не нужно, те и сами хорошо мотивированы. Отступление им не показал, так что когда те приблизились, то ударили не только пограничники, но и моя пулемётная рота. Пока они работали, на опушку выехали обе зенитки и стали бить по берегу противника, где еще хватало техники и людей, которые занимались пожарами. Не думаю, что нанесли большие потери, но всё же какой-то толк был.

Выпустив боезапас, машины сразу скрылись в лесу. Пехотинцев пулемётный огонь застал на открытой местности, причем у нас оказалось преимущество – мы чуть выше располагались. Может, кто выжил, но проверять некогда было, расчёты уже катили свои машинки к грузовикам. Да и пограничники перекатами отступили. Когда мы покинули опушку, по ней стала работать артиллерия, перемешивая там всё с землёй. Да поздно, моя колонна уже уходила прочь, а пограничники со своим обозом пешком направились следом. Да, записи по действиям в тылу противника старлею я передал, целая методичка получилась: как организовать обстрел колонны и уйти без потерь, как засады устраивать, минировать дороги, откуда и что добывать. Ну и дал совет в первую очередь выбивать не технику, а специалистов – офицеров, пулемётчиков, водителей, танкистов, лётчиков. В общем, тех, кого требуется долго обучать. Ну и ночами уничтожать мосты, если немцы их захватили, деревянные жечь, каменные и железные взрывать, если там охраны нет. Сапёров пусть среди окруженцев ищут.

Моя колонна покинула прикрытие леса, теперь зенитчикам нужно смотреть в оба. Двигались мы неторопливо: с нами было шесть раненых пограничников и семьи командиров заставы. Доберёмся до трассы, всё равно я туда направлялся, и попутным транспортом отправим в Минск. Должны же туда санитарные колонны идти и, если железка действует, санитарные эшелоны.

Теперь по ситуации. Раз я поднял стрелковый корпус, а это, похоже, так, то изменения в истории уже есть, значит, в районе Бреста мне ситуация не известна, а раз так, то и соваться туда не стоит. Да и нечего нам там делать, тем более куда ехать и наша следующая цель у меня и так на примете имелась.

Избежать внимания вражеской авиации не удалось, два «лаптёжника», а я их опознал по неубираемому шасси, решили нас прочесать из своих пушек и пулемётов. Да не вышло. Перед тем как покинуть лес, я остановил колонну,

выстроил бойцов и провёл краткий курс по противодействию налёту вражеской авиации. Так что пикирующие самолеты встретил огонь не только двух зениток, но и всех ручных пулемётов, а также винтовок. Сбить не сбили, но прогнать смогли. А вскоре и плотно забитая техникой и беженцами трасса показалась. За ней лента железной дороги виднелась, по которой не спеша полз какой-то состав. Паровоз, отчаянно дымя, тянул явно перегруженный эшелон.

Для раненых в колонне места фактически не было, поэтому их устроили на ящиках с боеприпасами. Подстелили шинели, и несколько бойцов удерживали. К счастью, грузовик с семьями сразу передали в колонну снабженцев, что катили в тыл, а раненых смогли устроить в санитарный обоз. Места там не было, но ротный, приметив две телеги, реквизировал их вместе с возницами, после чего туда погрузили раненых, и обоз продолжил путь в тыл, в госпиталь, а мы – по своим делам.

После того как балласт был сброшен, скорость колонны возросла чуть ли не втрое. Несмотря на состояние дороги, а мы торопились, пришлось гнать, иначе по времени не успевали. Отдыхали всего полчаса, пустив это время на завтрак – каша пшённая и чай с печеньем.

Как видите, я решил, что всё же стоит продолжать свою деятельность. Хотя бы до конца этого дня. Боями это не назвать, скорее я подсыпаю песочка в отлаженный механизм вермахта. Вот и сейчас собираюсь ещё немного навредить их планам. Чуть дальше расположен крупный железнодорожный мост. В три часа дня там будет высажен воздушный десант. Охрана была уничтожена, после чего немцы держали этот мост больше суток, пока не подошли их передовые моторизованные части. Вот я и собираюсь им подгадить, думаю, мои пулемёты для прореживания десанта там очень пригодятся – поддержим охрану моста.

В девять утра, сразу после завтрака, мы покинули трассу и двинулись дальше вдоль железной дороги. Ближе к обеду показались железные фермы моста. Когда до него оставалось меньше километра, я приказал водителю остановить машину, после чего покинул «эмку». Колонна тоже встала, зенитчики, как и полагается, бдили. Поднявшись по откосу, я встал на шпалы и глянул в обе стороны: со стороны границы приближался состав. Я достал из планшетки карту, приказав сопровождающему меня сержанту позвать командиров подразделений – задачу им ставить буду.

– Значит, так, товарищи командиры, слушаем вводную. Сегодня в три часа дня немцы воздушным десантом планируют захватить этот железнодорожный мост. Его охраняет взвод из состава батальона железнодорожных войск. Шесть планёров с десантниками сядут вот на этот луг, его может обстреливать только один пулемёт из того бокового дзота. По дзоту будут работать штурмовики – постараются ювелирно погасить. На другом берегу на поле будет высажен на парашютах взвод десантников и атакует охрану моста со своей стороны. Наша задача не просто не допустить этого, а полностью ликвидировать десант. Действовать тут будет полноценная десантная рота. Я предлагаю часть пулемётной роты – два взвода, разместить на опушке вон той рощи. Оттуда открывается отличный сектор для открытия прицельного огня – планёры можно будет расстрелять прямо на посадке и добить те, которые таки сядут. Третий взвод вместе со всем транспортом перегоним на другой берег: его задача – уничтожение парашютистов. На усиление пойдут обе зенитки. Их же задача – отбить авианалёт, поддержав зенитную оборону моста. Миномётчики пока в резерве. Итак, ваши предложения?

Мой план приняли с некоторыми поправками – всё же пулемётчикам виднее. Дальше часть грузовиков, с ротным за старшего, двинула в сторону рощи, машины там и останутся под прикрытием деревьев, а мы, поднявшись на насыпь, направились к мосту прямо по шпалам. У моста моя «эмка» остановилась, мы с сержантом покинули машину, и она продолжила движение. Подождав, когда грузовики перейдут на ту сторону и спустятся с насыпи, остановившись неподалёку от моста, я подошёл к капитану, видимо начальнику охраны. Чёрные петлицы выдавали его принадлежность к железнодорожным войскам. Козырнув друг другу, мы обменялись документами для проверки, после чего капитан спросил:

– Что-то не так, товарищ майор госбезопасности?

– Именно не так. Про немецких диверсантов слышал? Тех, что охрану мостов уничтожают.

– Да, мне прислали ещё один взвод для усиления.

– Даже так? – обрадовался я. – Отлично. Тогда слушай сюда, капитан. По разведданным, сегодня в три часа дня немцы собираются устроить десантную операцию по захвату моста, чтобы не дать нашим войскам его уничтожить. Действовать они будут так: сначала сверху слегка по обороне пройдутся

несколькими штурмовиками. Они же зенитные средства у вас проредят. Потом сбросят дымовые шашки, чтобы создать задымление между вами и десантниками, это позволит им собраться и атаковать. А вы будете слепыми, как котята.

– Поэтому вы и разместили своих в той роще?

– Именно так, у них десантники как на ладони будут. Ещё один пулемётный взвод с этой стороны. Скажи своим, чтобы не высовывались, мы и по мосту попадать будем – немцы между вами и нами окажутся, так что от шальной пули никто не застрахован, но лучше позиций не найти. Сейчас готовимся, маскируемся – о нас не должны узнать, иначе всё отменят. Ну и напоследок – немцы диверсантов к вам пришлют, чтобы те в момент атаки ударили в спину. Были новички какие?

– Пока нет, только свои.

– Добро, по диверсам мы с сержантом будем работать, это наши клиенты.

– Хорошо, товарищ майор госбезопасности. Наша помощь нужна?

– Нет, – хмыкнул я, кивнув в сторону полевой кухни, намекая, что обеспечение у нас неплохое.

Грузовик спустился к воде, и повар с помощником носили воду и сливали её в котлы. Поздновато обедать будем, но главное, было бы чем.

Потом капитан сопроводил нас через мост по пешеходному переходу, так как по мосту снова шел эшелон, тоже пассажирский, набитый людьми.

Колонну я отвёл почти на километр – туда, где нашлось отличное укрытие для техники. Зенитки отправил ближе к мосту. Кухня дымила, миномётчики оборудовали позиции для своих орудий, связисты прокидывали кабель. НП, чтобы вести корректировку, лейтенант-минометчик расположил ближе к мосту. Пулемётный взвод отправился на машинах к небольшой возвышенности. Сверху они смогут держать под прицелом все окрестности.

Сержанта я отправил к мосту, дав примерное описание диверсантов. Еще дал конкретную наводку: за час до десанта пропадёт связь, так что пусть почаще проверяют, есть ли она еще. Сам устроился в палатке, которую поставил водитель, и вскоре уснул. А что, задачи выданы, командиры справные, как я уже успел оценить, что делать – знают. Поднимут меня к обеду, так что успею пару часов перехватить.

Разбудил меня водитель как раз по причине готового обеда. Посмотрев на часы – полвторого, я сделал короткую разминку, потом спустился в овраг к ручью, умылся и, вернувшись, устроился у палатки. Водитель принёс котелки, и мы принялись за еду.

В шесть термосов погрузили горячее и понесли к возвышенности. Приказ был не демаскировать позиции, поэтому технику использовать было нельзя, а покормить пулемётный взвод и зенитчиков необходимо. Два взвода, что остались на другом берегу, без горячего пока побудут, но у них есть сухпай.

После обеда бойцы из разведывательного отделения, которые держали под охраной нашу стоянку и наблюдали за окрестностями, сообщили, что в сторону моста пропылил ЗИС-5, с десятком бойцов в открытом кузове.

– А вот и диверсанты. Надеюсь, сержант не оплошает, – пробормотал я.

Вскоре от моста донеслась стрекотня пулемётов, грохнула граната и прозвучало несколько винтовочных выстрелов, на этом всё стихло. А чуть позже наблюдатель сообщил, что к нам бежит боец. Тот был лёгок на ногу и вскоре уже докладывал о ситуации с диверсантами:

– Мы им в кузов противотанковую гранату кинули. Так только командир, что из кабины вышел наружу, в живых остался, и то оглушён дюже. Товарищ сержант госбезопасности его в чувство привести пытается.

– А что за стрельба была?

– Ловкие черти, товарищ майор госбезопасности, заметили засаду и двое стрелять начали, прямо с кузова, один из пулемёта, другой из автомата, вот и пришлось гранату кинуть. Двоих наших убили гады и троих ранили. Товарищ капитан просит машину к мосту отправить, грузовик этих диверсантов утащить.

– Понял, – кивнул я и на нашем «Захаре» отправился к месту происшествия.

С собой прихватил пару водителей, они помогли взять на буксир машину с изувеченным кузовом и погнутой рамой – странно, что она не загорелась. Но как мне объяснили, её просто сразу потушили. Тела диверсантов (и то, что от некоторых осталось) уже сложили в ряд, оружие отдельно. Пока грузовик буксировал машину к нашей стоянке, я изучал состав группы и их оснащение.

– Рация разбита, – вздохнул капитан. – Две винтовки и автомат повреждены, ещё три автомата, пулемёт и четыре винтовки уцелели. Еще пистолеты есть, гранат немало – в кузове целый ящик, повезло, что не сдетонировали.

Пока он отчитывался, от засадных взводов в роще примчался посыльный. Выяснил, что у нас тут произошло, и убежал обратно, успокаивать своих.

Время подходило – вот-вот начнётся, так что я вернулся к стоянке. Сержанта и пленного, так и не пришедшего в сознание, взял с собой. Пока санинструктор осматривал диверсанта, я достал из «эмки» винтовку СВТ и стал снаряжать магазины к ней. Немцы скоро появиться должны, а стрелок я неплохой, думаю, пару-тройку парашютистов еще в воздухе сниму. Тут как раз диверса в чувство привели, и им плотно занялись сержант с парой разведчиков.

Ожидание закончилось, раздался гул авиационных моторов – немцы! Выйдя на опушку, где стоял на посту один из разведчиков, я увидел штурмовики, заходящие для атаки на мост. За ними шли транспортники, буксирующие планеры с десантом. Началось! Планеры отцепились и пошли на посадку. Судя по тому, как засуетились миномётчики, они собирались накрыть огнем место посадки. Мост уже скрывала белесая пелена задымления. Чётко работают. Поглядим, как повлияет на ситуацию наше присутствие.

Зенитчики работали. Красавы, смогли завалить один штурмовик, не «лаптёжник» – какая-то другая модель, потом подбили транспортный «юнкерс», который уже успел сбросить пассажиров и удалялся. Думаю, знай немцы, что тут зенитки есть, вряд ли бы они устроили эту операцию. Потом второй штурмовик сбили. Думаю, что и «юнкерс» далеко не улетит, он шёл со снижением, сильно дымя – языки пламени в районе хвоста были.

Вскинув винтовку, я поймал на мушку крохотную фигурку парашютиста и нажал на спуск. На каждого тратил по одному патрону. Попал или нет, неважно, сразу переводил огонь на следующего. По четырем десяткам парашютистов били пулемёты, я стрелял, разведчики, даже водители лупили из своих винтовок. Открыли огонь миномётчики – видимо, планеры сели. Приземлившихся десантников добили из «максимов». Мы прекратили огонь и стали ждать. Вскоре появилось два отделения бойцов железнодорожных войск, от моста шли, и стали прочёсывать местность, собирая тела, оружие и раненых. Посчитали по парашютам – все тут. Примерно та же картина и с теми, кто на планерах был.

Пока грузовики ездили забирать засадный взвод, я велел своему водителю готовить машину и сходил к парням, что диверсантом занимались.

– Почему у него лицо в крови? – поинтересовался я.

– Товарищ майор госбезопасности, этот гад себе язык откусил и кровью захлебнулся.

– Фанатик, – понятливо кивнул я. – Хрен с ним, добейте, а то эти твари живучие. Потом скатаемся к мосту. Хочу узнать, что там происходит.

Разведчик, что стоял рядом с сержантом, стрелять не стал – штыком пригвоздил диверсанта к земле и отошёл, а мы направились к машине. В салоне сильно пахло сгоревшим порохом. Не только от моей винтовки, водитель тоже стрелял – редко, но, похоже, точно. По дороге к мосту проехали мимо сбитого штурмовика. У разбитых планеров – миномётчики там отлично поработали – возились бойцы из охраны.

Капитан, у которого была перевязана голова, сияя лицом, сообщил:

– Отбились, товарищ майор, убитых всего шестеро, ранено восемь человек – от авианалёта потери. Ваши десантников красиво положили. Я уже отправил связиста восстановить линию, вызову машины забрать раненых.

Тут он замолчал. По мосту, переваливаясь на шпалах, двигались машины, с подножки первой соскочил ротный и доложился:

– Товарищ майор госбезопасности, задание выполнено, потрачен один боекомплект, потерь среди личного состава нет.

– Молодцы, хвалю за проделанную работу. Сейчас выдвигайтесь к основному составу, скоро выезжаем. Нам сегодня ещё одно дело предстоит.

– Есть, – тот запрыгнул на подножку замыкающей машины, а я повернулся к капитану.

– Помочь с вывозом раненых я вам не могу, места нет. Медик имеется?

– Да, санитар уже перевязал раненых. Ничего, связь будет, вызовем наших, сообщим о десанте.

– Добро. А теперь самое приятное. Делёж трофеев.

– Ну-у, товарищ майор, – протянул он.

– Грабить не буду, не волнуйся. Мне нужен десяток автоматов с боезапасом – в планерах должен быть, тех, что не сгорели. Один пулемёт да с пяток пистолетов. Хочу своим командирам в качестве наградных выдать. Автоматы им же. А пулемёт для ознакомления.

– Понял, сейчас всё будет.

Действительно, вскоре всё принесли. Построив личный состав, я выдал командирам взводов автоматы МП-40 вместе с подсумками для магазинов и ранцами, в которые был сложен запас патронов. Хватило всем: ротному, его замполиту, всем трём взводным, командирам миномётчиков и зенитчиков. Ещё два вручил своему сержанту и командиру отделения разведчиков. Последний автомат себе оставил. Ротному, командирам миномётного, зенитного и третьего пулемётного взводов, дополнительно в качестве награды выдал пистолеты – в кобурах, с запасом патронов, как отличившимся. Молодцы.

Ремонт закончили, технику обслужили и заправили. Выстроившись в колонну, мы покатили дальше. В этот раз машина с разведчиками двигалась впереди, метрах в ста перед колонной. Следом зенитчики, моя легковушка и грузовики, замыкала

тоже зенитка. Кухня дымила – там ужин готовился.

От железной дороги мы вскоре удалились, я планировал пополнить запасы топлива – последнее в баки слили, – боеприпасов и вернуться к Бресту. Где нужный полк, я без понятия – будем спрашивать, искать. Всё же хотелось парней вернуть в родную часть. Да, сказать откровенно, я решил, что хватит – повоевал с немцами, отвёл душу, даже какое-то облегчение почувствовал. Все, мое послезнание закончилось, и где в ближайшее время использовать подразделение, я не знаю. Есть пара моментов, но там ждать долго – от нескольких дней до недели. Лучше сообщу в НКВД, пусть сами работают. Так что возвращаю подразделение и ухожу к порталу – попробую перейти в свой мир. Буду жить рядом и ждать, когда он заработает.

Добравшись до трассы, я остановил пару транспортных колонн и, узнав у старших, где ближайшие склады, повёл свои машины туда. На складе ГСМ заправил все машины и свободные ёмкости – пять бочек, потом заехал на склад боеприпасов, получил пулемётные патроны, несколько ящиков с ручными гранатами и мины для миномётов. Подписывать ничего не пришлось – у ротного были наряды, полученные им в штабе полка, их вполне хватило.

Мы уже проехали Кобрин, где шла спешная эвакуация, когда нас остановил полковник-армеец, правда он быстро сдулся, увидев ромбы у меня в петлицах. Что тот хотел, я так и не понял – что-то мямлил. Документы у него были в порядке – я проверил, пока мои бойцы держали его охрану на прицеле. У полковника была такая же «эмка», как у меня, и «полуторка» с отделением бойцов. Похоже, он просто давил званием и заворачивал небольшие подразделения для усиления своей части.

Чуть позже, в полседьмого вечера, мы стояли на обочине лесной дороги – две машины разом из строя вышло, у одной вылезли проблемы с мотором, у другой меняли пробитое колесо. Заодно бойцы поужинали. Выйдя к дороге с кружкой в руке, я смотрел на уставших беженцев, что брели мимо.

– Товарищ командир, – ко мне подошли две молодые женщины в окружении пяти малолетних детишек. – Дети голодны.

– Ясно, – кивнул я и крикнул повару: – Игнатьев, накормить и обогреть!

– Есть, – весело отозвался тот.

Бойцы уже поели, но в котлах ещё что-то оставалось, а если что, сухпай можно выдать. Это уже не первые, у кого хватило храбрости подойти и попросить хотя бы за детей.

Вечерело, беженцев становилось меньше, а канонада явно приближалась.

Когда машины были починены, мы продолжили движение. На обочинах было много сгоревшей техники, в основном автомобильной, явно пострадавшей от ударов с воздуха, чем дальше, тем чаще стали встречаться непогребённые тела, в большинстве случаев гражданские, но были и в военной форме.

Где нужная дивизия находится, у снабженцев я уже выяснил. Мы свернули с трассы на полевую дорогу, где нас остановил заслон. К счастью, тут оказались бойцы как раз нужной нам шестой стрелковой дивизии. Уже через полчаса мы подъехали к позициям своего полка. Двое бойцов умчались к штабу, а мы остались ожидать в низине – а то накроют, немцы близко.

Пока ждал комполка, подозвал сержанта и вручил ему подготовленный пакет. Там немало информации было.

– Это к утру нужно доставить в управление республиканского НКВД, после чего отправить в Москву. Берёте мою машину и «полуторку» с разведчиками для охраны. В Минске останетесь в распоряжении управления, разведчиков вернёте обратно. Выезжаете немедленно.

– Товарищ майор госбезопасности, у меня приказ сопровождать вас.

– Я его отменяю. Сержант, вы не слышали, что я вам сказал? Отправляетесь немедленно!

– Есть, – козырнул тот.

Из машины я забрал свою винтовку, подсумки и сидор с припасами. Подумав, трофейный автомат брать не стал. Легковушка в сопровождении грузовика уже уехала. Темнеть начинало, думаю, от авиации они укроются и за ночь хотя бы

половину пути проедут, а утром уже в Минске будут.

Подошёл начальник штаба полка – капитан. Оказалось, комполка был тяжело ранен два часа назад и отправлен в тыл. От полка за неполные сутки осталось чуть ли не половина, но удар немцев выдержали, теперь окапываются. Части из Брестской крепости ещё ночью вывели, оставили только небольшой гарнизон для защиты. Бои там до сих пор идут. Возвращению своих бойцов он искренне обрадовался.

Сообщив, что направляюсь в штаб дивизии, и отказавшись от сопровождения, я попрощался с парнями и ушёл в темноту. Нужно преодолеть почти шестьдесят километров, чтобы добраться до болот, где был портал. Надеюсь, я смогу это сделать. Похоже, миров-копий Земли множество, и ходить по ним, попадая постоянно к началу войны, желания у меня не было никакого. Помощь небольшую оказал, думаю, этого достаточно. Основное сотрудничество у меня идет с миром Сталина, где я генерала получил. Там всё серьёзно и перспективы карьерного роста огромные, так что идём к порталу и переправляемся в родной мир. Надеюсь, переход всё же заработал.

* * *

Вынырнув, я закашлялся кровью, в этот раз ранение было серьёзным, лёгкое зацепило. Рана саднила, и дышать было тяжело, похоже, через нее вода попадала в лёгкие. То, что портал сработал и я оказался родном мире, радовало не сильно, надо было думать о выживании. Осмотревшись, я доплыл до мостков и окликнул мальцов, что рыбачили неподалеку:

– Помогите мне. Я ранен.

Как они зазывали мужиков из деревни и меня в шесть рук поднимали на мостки, я осознавал уже смутно, а когда понесли к деревне, окончательно вырубился.

Это точно мой мир. Оказалось, Толя Суворов тут, и я попросил его позвать. И не сообщать о моём ранении властям – этого ещё не хватало. Отлежусь. Надо позвонить знакомому военному хирургу, он сейчас отдыхает на пенсии и мне должен, приедет, всё сделает. Однако думал я после перемещения в родной мир не только об этом. Дело-то серьёзное. До портала я дойти просто не успел, шел

ночью, перед рассветом на днёвку устроился у разбитого авиацией советского лёгкого танка, а утром на меня наткнулась немецкая разведка. Судя по бывшей у них рации, артиллерийские наводчики. Я обоих застрелил из пистолета, но у них охрана была – отделение солдат. Во время короткого огневого контакта я был ранен и сильно возжелал отправиться домой. В результате вместе с танком, за башней которого укрывался и отстреливался, оказался тут – танк камнем пошёл на дно, а я вынырнул. Вот что это такое было?! Жаль, проанализировать произошедшее не успел, потерял сознание.

Вырубило меня действительно капитально. Когда я очнулся, то обнаружил, что нахожусь в деревенском фельдшерском пункте. За окном светло, значит, сейчас утро или вечер. Да нет, на утро больше похоже. Рядом на койке Толя спал. Я его сразу опознал. Пришлось пошуметь, ударив ногой по койке, чтобы его разбудить. Дёрнувшись, он проснулся, потянулся и, зевая, сел.

– Доброе утро, Олег Анатольевич. Как себя чувствуете?

– Как ни странно, вполне сносно, хотя говорить и больно. Меня прооперировали?

– Да, вчера вечером. Хирург опытный, бывший военврач, в Афгане наших парней спасал. Тут у сына гостил. Повезло. Рана, сказал, чистая, антибиотики имеются, должен выкарабкаться.

– Дай попить.

Напившись, попросил телефон.

– Хочу своим позвонить, узнать, как жена и сыновья. Всё же пять лет не виделись.

– Да какие пять лет? – криво усмехнувшись, сказал Толя. – С нашего ухода едва месяц прошел. Я тут уже пару недель живу. Устал объяснять, как я так быстро постарел. Кстати, хирург сказал, что у вас свежее пулевое ранение в плечо. Еще заживает.

– Попал в переделку. Бандиты подстрелили, – сообщил я и выдал краткую информацию по своим делам – без особых подробностей. Заодно рассказал, как

смог вернуться.

– Значит, в двух мирах побывали и в обоих все одинаково начинается, раз то звено истребителей появляется? – задумчиво изрёк тот и сообщил: – Знаете, Олег Анатольевич, а ведь со мной та же история произошла, но я только в одном мире был, пока сюда не прорвался. Из наших больше никого не появлялось, я думаю, они тоже в этих мирах-копиях застряли, воюют с немцами. И наверняка только Славка этому рад, он все мечтал переплюнуть Вячеслава по количеству сбитых.

– Мне вот не так везло.

Тут нас прервали, в помещение зашёл пожилой мужчина, почти старик, в больничном халате по размеру. Это оказался хирург, что меня оперировал. За ним следом фельдшер сельский зашёл, меня осмотрели, опросили, померили пульс, давление и температуру, сообщили, что ранение хоть и серьезное, но динамика положительная – выживу, после чего хирург спросил, кто меня раньше зашивал. Это он о свежем пулевом ранении.

– Любопытно. Такая штопка давно уже не применяется. Не знал, что кто-то ещё так делает.

– Я участвовал в некоторых спецоперациях, был ранен, скрывался у деревенских в горах. Там и залатали.

– Хм, ясно.

После этого хирург с фельдшером ушли, о чем-то беседуя. Толик – следом за ними. Он уже договорился с местной жительницей, что та будет готовить кашки для меня, вот и пошёл за завтраком. Потом еще кормил меня с ложечки. Пообщались. К вечеру я уже знал его историю, которая, надо сказать, меня поразила. Это каким же надо быль везучим наглецом, чтобы такое провернуть! Да уж, меня везунчиком на его фоне не назовёшь. Однако я хотя бы вернулся в свой мир, в чём также повезло.

– Хорошо ты у немцев погулял, душа радуется, слушая тебя. Я не командир, контрразведчик, у нас другая специфика.

– Но вы ведь тоже командовали, сколько дел за первый день войны в том мире сделали.

– Я больше отдавал приказы, а подчинённые выполняли, так что все заслуги на них. Чёрт, говорить больно стало. Давай завтра продолжим.

На следующий день после обеда, когда меня перевернули на бок, чтобы пролежней не было, я и сообщил Толику:

– Проблема такая: всё, что мне выдали из Гохрана на закупку технологий, производств и информационных носителей, осталось там, во втором мире. Как восстановлюсь, придётся вернуться и забрать.

– Так осень скоро. Надо будет зимние гидрокостюмы покупать. Но это мы мигом, сами знаете, я с трофеями вернулся, средства есть. Хотя свой мешок и потерял. Интересно, в каком мире-копии он всплывёт и что немцы будут с ним делать, если найдут?

– Ты погоди, тут другое дело. Понимаешь, я не пользовался порталом, чтобы вернуться в наше время.

– Это как?! – тот в шоке сел мимо койки.

Вообще, я был единственным лежачим больным в этом фельдшерском пункте. Ещё трое лечились амбулаторно, приходили, получали лечение и уходили.

– Сам не пойму. Я у трассы между Кобриным и Брестом отдохнуть решил, под танком. Точнее, на дневку устроился, устал сильно, а утром на меня немцы наткнулись. Хотя танк в стороне стоял, нечего им там делать было. Принял бой, уничтожил из пистолета троих, но и меня подранили. А тут раз – переместился к мосткам, причём верхом на танке. Тот в воду ухнул, и я за ним. Парнишкам деревенским рыбалку попортил, но хоть увидели меня, вызвали помощь, подняли на мостки. Одно радует, реплика «макарова» в сидоре была, а тот утонул с танком – не достался немцам.

– Охренеть, – взъерошив короткий ёжик волос, протянул Толя в изумлении. – Такого даже со мной не случалось, хотя я и в Берлине побывал – покатался там

на «двойке».

– Дети танк вроде не видели, он появился над кромкой воды и сразу в воду ухнул.

– Точно не видели, иначе по всей деревне разговоров было бы, – успокоил он меня. – Значит, портал вы сами открыли? Никакого другого ответа в голову не приходит. Ну-ка…

Я несколько секунд наблюдал, как он тужится, после чего с интересом уточнил:

– Крепит? Сходи к фельдшеру, попроси слабительного.

– Да нет, я попытался переместиться в другой мир. Хм, не получилось. А может, перенос спровоцировало ранение? Но такой способ мне не нравится. Каждый раз в себя стрелять? Нет уж, лучше привычным образом, через портал в болоте.

– Согласен, Толя, согласен. Как он работает, вообще не понятно. После перехода может заработать сразу, или через месяц, временной промежуток никак не угадаешь. Вон, целый отдел у нас в наркомате собрали, учёные все головастые, и то понять не могут, что и почему. Гипотезы совсем дикие строят. Интересно, как они смогут объяснить моё перемещение? Тоже с ранением свяжут? Или взять эту непонятную временную аномалию, прожили в том мире несколько лет, а здесь чуть больше месяца прошло. Вот как так? Я думал, у меня тут старшему сыну уже шестнадцать, а ему всё ещё одиннадцать, через две недели двенадцать исполнится.

Сегодня утром я позвонил своим, номер помнил. Шурин купил нам трёхкомнатную квартиру в Москве, там семья и жила, пока я служил в Чеченской республике. Штаб корпуса в Ханкале располагался. Трубку жена взяла, поворчала, что после двухмесячного отсутствия всё же соизволил позвонить, сказала, что старший где-то на улице, ну и позвала к телефону младшего, с ним и пообщались. Пообещал сыну, что через месяц приеду. Думаю, к тому момент ходить я уже смогу. Сынок бесхитростно сдал мать, поведав, что к ней мужик ходит с цветами и та где-то пропадать начала. Тёща из Ростова приехала, следит за ними, хозяйство ведёт. Я особо не отреагировал, для меня супруга уже чужой человек, даже испытал некоторое облегчение. У меня в мире Сталина – мы его именно так называли, хотя, как оказалось, миров-копий хватало – были

женщины, одна даже постоянной стала. Сын получил от матери оплеуху, я это хорошо расслышал, и связь прервалась. Подумав, я позвонил своей старшей сестре, матери Вячеслава, и попросил начать бракоразводный процесс, так чтобы квартира осталась жене, а дети мне. Нине я звонил ещё вчера, перед тем как отрубиться на ночь. Сообщил, что у нас всё хорошо, сын её и муж будут чуть позже – успокоил таким образом. Она пыталась узнать, где я нахожусь, но я сказал, что сам приеду.

Толик выходил из палаты, пока я по телефону общался. Насчёт развода я ему сообщил, остальное его не касалось. Он был в курсе, что в мире Сталина у меня осталась любовница – еще удивлялся, мол, такой пожилой – ха, едва сорок было! – а любовниц меняет как перчатки. Сам Толя не сказать что монахом жил, но встречался только с одной девушкой, только я так и не понял, серьёзно у них или нет. Я даже не уверен, что у них до постели дошло. Похоже, уже расставаться надумали, видимо характерами не сошлись. Толя, как я понял, однолюб, и подобрать под себя будущую супругу ему очень сложно. Тот всё какую-то Олю Смирнову поминал, видимо по душе пришлась. Познакомился с ней в мире-копии. Интересно, если вернуться в мир Сталина, найдет он её? Правда, как я понял, особо назад Толя не торопился из-за своей бабушки, а взять с собой не мог, древняя старушка могла не пережить переход.

Время шло, я потихоньку восстанавливался. Толя то домой ездил, то под моим окном в кабине своего грузовичка возился – он «шишигу» купил у армейцев по конверсии, магнитолу в кабине установил, ещё какие-то ремонтные дела проводил. Хирург уехал к себе домой через две недели, но сообщил, что транспортировать меня уже можно, так что на носилках меня занесли в кунг, и Толя привёз меня к себе в деревеньку. Дорога чуть всю душу не вытрясла, хотя ехали очень медленно. На месте они с соседом занесли меня в дом. Там я с бабашкой Толи и познакомился.

А вообще меня поражала скорость восстановления: я уже потихоньку сам садился. А в мире-копии, где я в плечо пулю получил, восстановление шло обычными темпами. Может, это тоже влияние портала? Всё же его изучение застопорилось в самом начале и пока находилось по факту на нуле. Я это точно знал, хотя не курировал его изучение, но нарком Берия охотно отвечал на мои вопросы. Правда, с вкраплениями мата, ладно хоть не на меня злился, а на учёных, что топчутся на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/poselyagin_vladimir/osobist

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити